

Стенограмма Круглого стола
«Постсоветское пространство 25 лет спустя:
современное состояние, проблемы, перспективы»

7 декабря 2016 года

А.В. Рябов. Большое спасибо вам за то, что в предновогодней декабрьской суете нашли время принять участие в нашем «круглом столе». Мы ожидаем еще несколько человек. Надеюсь, что они подойдут.

Буквально несколько слов о том, как мы устроим это мероприятие и какова его цель. Это никакое не юбилейное мероприятие. Идея его проведения родилась довольно давно. Поскольку сама собой подоспела юбилейная дата образования постсоветских государств, это и подвинуло нас к тому, чтобы перевести прежнюю задумку в практическую плоскость.

Основная идея сегодняшней встречи – просто обменяться мнениями по трем ключевым проблемно-тематическим блокам, касающимся постсоветского пространства. Первый блок в самом общем плане можно назвать – «итоги национально- государственного строительства, нациестроительства, национальные суверенитеты». И все сопутствующие вопросы, которые отсюда вытекают – роль национальных элит, национальные идеологии и т.д.

Второй блок затрагивает сферу политической регионалистики, что связано, с ключевым вопросом: а существует ли до сих пор постсоветское пространство? Единой точки зрения на этот вопрос нет. Можно ли говорить о формировании субрегионов не только географически, но и политически на территории постсоветского пространства? Проблемы складывания общенациональных и региональных идентичностей.

И, наконец, третий блок – он посвящен проблемам внутривнутриполитического развития постсоветских стран. Существует ключевой вопрос, который хотелось бы сегодня рассмотреть: есть ли что-то общее в этом развитии, или эти страны настолько разошлись, что пытаться выстраивать какие-то кластеры, какие-то сравнения уже не корректно и не возможно.

Сразу хотел бы отметить: мы не будем рассматривать государства Балтии. Вопрос об их принадлежности к постсоветским государствам спорный. С одной стороны, они вышли из советской системы, и до сих пор в разной степени несут на себе груз той эпохи, который проявляется в разных сферах – в отношениях власти и

бизнеса, в экономике. Но с другой стороны, политика и экономика балтийских стран уже больше десятилетия определяет нормами и стандартами Евросоюза. Нравится ли нам это или нет, но это так. И еще одно соображение – эти страны не участвуют в межгосударственном многостороннем сотрудничестве на территории постсоветского пространства, что очень важно, если мы говорим о нем как о политико-географическом регионе мира. Хотя, конечно же, элементов постсоветскости в их политической структуре можно найти довольно много. И чем южнее от Финского залива, тем этих элементов больше.

Мы планируем опубликовать стенограмму сегодняшнего «круглого стола» на сайте Фонда. И подготовить резюме по итогам заседания, которое, хотелось бы надеяться вызовет интерес у всех, кто интересуется проблематикой постсоветского пространства.

Очень хотелось бы в этой связи достигнуть хотя бы небольшого продвижения по тем вопросам, которые мы обсуждаем.

Теперь по форме. Мы решили использовать форму, которую обычно используют германские коллегии. В начале каждой сессии запускаем так называемый импульсный доклад, который будет неким введением в обсуждаемую тему. После чего будет свободное обсуждение, но не доклада, а темы с теми вопросами, которые сформулированы в докладе или которые в доклад не попали. Смысл именно в этом.

На импульсный доклад выделим выступающим время в пределах 15 минут, после чего, наверное, будут вопросы на уточнение. А потом уже свободная дискуссия – комментарии, реплики, замечания.

В.И. Мироненко. После доклада, в процессе дискуссии можно обсуждать сразу три блока?

А.В. Рябов. Нет. Я предлагаю обсуждать их отдельно по одной простой причине. Потому что велик соблазн соскочить сразу же на другие сюжеты, а их здесь много. И может получиться сумбур. Мы сознательно не включили в сегодняшнее обсуждение экономику и внешнюю политику, потому что это потребовало бы проведение полновесной двухдневной конференции. Но нам сегодня это не по силам. И, наверное, состав спикеров экономической сессии был бы, скажем так, несколько иной, чем сегодня. По мере возможности, конечно, затрагивать это можно, но желательно придерживаться этой общей линии.

После чего я свою миссию открывающего этот «круглый стол» завершаю. Хочу предоставить слово нашему первому докладчику Александру Гушину – заместителю

заведующего кафедрой постсоветского зарубежья в Российском Государственном Гуманитарном Университете.

А.В. Гуцин Большое спасибо за приглашение и за возможность выступить. Уважаемые коллеги! Конечно, я бы даже не назвал свое выступление докладом. Это, скорее, может быть, постановка проблем и своеобразным введением в дискуссию, которая последует. Прежде всего, хотелось бы отметить, что все три сюжета, которым будет посвящена наша дискуссия трудно разделить между собой, они очень тесно между собой связаны.

Сегодня, в эти дни исполняется 25 лет с окончательного распада Советского Союза, создания СНГ, и мы задаемся, конечно, все больше и больше вопросами о том, что же произошло 25 лет на постсоветском пространстве, что это за регион и как он будет развиваться дальше. И, конечно, прежде всего, обращая внимание на сочетание интеграции и национального и государственного строительства в этом регионе и в целом, можно ли считать этот регион единым регионом, или различия между странами слишком велики, чтобы определять его как единый регион.

Довольно популярна точка зрения о том, что распад СССР продолжается сейчас. Действительно имея в виду те национально-территориальные конфликты, этнополитические конфликты и территориальные проблемы между государствами, которые остались в наследство еще с советской системы, а многие еще и со времен империи, можно говорить о незаконченном распаде. Они, эти проблемы, конечно, до сих пор влияют и на современную ситуацию.

Но мне кажется, что все-таки есть ряд новых черт и с точки зрения идеологии, и с точки зрения того, что появилось поколение уже взрослых 25-летних людей, которые не знали Советский Союз и они уже вступили во взрослую жизнь сейчас во всех этих странах. И с точки зрения политических процессов, которые происходят сегодня, особенно в западной части постсоветского региона. На мой взгляд, помимо того, что в каких-то аспектах можно говорить, что распад СССР действительно продолжается, но все же мы имеем ряд новых черт.

Сегодня можно говорить об очень серьезной парцелляции, разделении между разными республиками постсоветского пространства, которые демонстрируют совершенно разные и внутривнутриполитические тренды, и, собственно, разную степень успеха. Если мы посмотрим на Украину и Молдову, на итоги 25-летнего постсоветского того же экономического или политического развития, это будет один результат. Если мы посмотрим на итоги развития при всех минусах той же Белоруссии

или ряда стран Центральной Азии, будет совершенно другой, тем более, если учесть стартовые возможности.

Второй пункт, о котором бы хотелось сказать - это что такое постсоветское пространство сегодня? Это единый регион, или это все-таки разные регионы? Мне представляется, что сегодня все же говорить о едином постсоветском пространстве по большей части по основным показателям вряд ли приходится. Скорее, если говорить в геополитическом и геоэкономическом измерении, это все-таки три разных региона. Это Запад, это Кавказ и Центральная Азия. Те интеграционные векторы, которые есть сегодня в виде ЕАЭС или ОДКБ, все-таки недостаточны пока по своей импульсности, по своему формату, по своему содержанию, чтобы стать объединяющими для всего нашего региона.

Возникает и вопрос: что такое СНГ? Это дезинтеграционный проект по сути? Это проект для развода, как об этом принято часто говорить? Или это все-таки структура интеграционная? Следует признать, что СНГ все же определенную позитивную роль сыграло в 90-е годы с точки зрения определенного каркаса для построения, дальнейших интеграционных структур, интеграционного измерения уже 2000-х годов.

Но, тем не менее, факт состоит, в том, что СНГ, смягчив различные кризисные вопросы, в том числе на отраслевом уровне, не смогло помочь решить, по сути дела, ни один крупный не то что национально-территориальный конфликт, но не смогло решить и ряд политических вопросов, юридических, на постсоветском пространстве.

Это еще раз говорит о том, что в принципе кроме как диалоговая площадка и возможность встреч в более широком формате пока ожидать что-то большего от масштабной интеграции и в целом от постсоветского пространства вряд ли приходится.

Кстати говоря, это проблема не только СНГ, но и целого ряда других объединений, которые даже можно условно считать антироссийскими. Тот же ГУАМ «Содружество демократического выбора» тоже остались довольно аморфными структурами с экономической точки зрения, а сама экономика зачастую подменялась политикой. В тот же ГУАМ, например, после выхода Узбекистана входят страны, объединенные национально-территориальными конфликтами и проблемой де-факто государств. Сегодня ключевой вектор – это разноскоростная интеграция, с одной стороны. И с другой стороны – дальнейшая фрагментация постсоветского пространства. Вопрос в том, как эти две тенденции будут сочетаться.

Мне представляется, что сегодня, конечно, при всем том, что мы говорим о евразийской интеграции зачастую как об альтернативе и для России, и для этих стран, существующие тренды в рамках Евразийского Экономического Союза и общая роль России в мировой экономике, да и в региональной на постсоветском пространстве пока не позволяют говорить о том, что Евразийский Экономический Союз и те структуры, которые связаны с евразийской интеграцией, в обозримом будущем станут самостоятельным центром силы или тем более станут залогом или основой для создания таких глобальных проектов, как проект Большой Евразии, о котором сейчас тоже можно часто слышать.

То есть, скорее, здесь можно говорить о достаточно долгом процессе сопряжения. Поэтому в этом плане можно говорить о довольно ограниченных экономических возможностях России в интеграционном смысле, особенно если интеграция будет проходить без соучастия крупных региональных держав или таких глобальных, как, например, Китай. Тем более что Россия в экономическом плане все больше и больше уступает Китаю Центральную Азию и в целом, и по отдельным странам. Наконец, еще один вопрос, который не решен на постсоветском пространстве, - это проблема де-факто государств. Я имею в целом де-факто государств, и частично признанных, и непризнанных. И здесь, конечно, надо сказать, что у России позиция различная. Если по отношению к Карабаху она всем известна и она не проявляется так непосредственно к независимости Карабаха, то по отношению к Приднестровью выбран в целом, на мой взгляд, реинтеграционный вектор. Но так или иначе пока ни один этот вопрос не решен. И многие конфликты, которые мы называем замороженными, строго считать замороженными нельзя, и вероятность эскалации этих конфликтов достаточно велика. Очень сильно проявляется разница в позициях стран, участвующих в урегулировании. В целом проблема де-факто государств тоже явно работает на фрагментацию этого региона.

Поэтому сегодня, подводя итог этому 25-летнему развитию, что можно сказать? Конечно, значительная часть стран на постсоветском пространстве так или иначе достигла довольно серьезных успехов в национальном и государственном строительстве. Пример Узбекистана наиболее показателен. Все-таки это страна, которая проводила достаточно изоляционистскую политику, выходя или входя в те или иные интеграционные объединения, оставляя всегда свободу рук и не участвуя в каких-то строгих форматах, которые бы связывали Ташкент. В общем, пока политический транзит там на данном этапе проходит довольно успешно. Определенная

преимущество есть. Как это будет дальше происходить – конечно, достаточно сложно сказать. Потому что есть очень серьезные проблемы. Но видно, что те риски, о которых говорили, по крайней мере, в контексте августа-сентября-октября в контексте передачи власти, минимизированы.

Другое дело, неизвестно, насколько это можно будет экстраполировать на тот же Казахстан. Потому что там ситуация, наверное, даже более сложная в чем-то, чем в Узбекистане.. Но, тем не менее, вполне вероятно, что и там элите хватит запаса прочности.

Другое дело, что, конечно, ряд государств, как, например, Украина, Молдова, которые демонстрируют несколько иной путь, несколько иной вектор. И здесь мы возвращаемся к политике влияния внешних сил на постсоветское пространство. Надо сказать, что сами страны региона во многом используют этих внешних игроков и пытались использовать их для поддержания элиты строительства, нации строительства и государственного строительства. Поэтому это не односторонний вектор внешнего влияния. Но есть обратный вектор со стороны этих стран в сторону поиска поддержки со стороны внешних игроков. Я имею в виду не Россию, а именно другие страны – Европу, прежде всего, ту же Турцию, Китайскую Народную Республику и Соединенные Штаты.

Это тоже, конечно, работает в определенной степени на дезинтеграцию.

Мне представляется, что, несмотря на те процессы, которые мы сегодня наблюдаем в Молдове, Литве, в целом в Центральной Европе, все-таки даже притом, что есть шанс перехода этих государств, той же Молдовы, на определенные нейтральные позиции с точки зрения баланса между Западом и Востоком, говорить о едином пространстве уже не приходится. И тенденции к его дальнейшему распаду в ближайшие годы, несмотря на те интеграционные посылы, которые есть, будут продолжаться.

Спасибо.

А.В. Рябов. Коллеги, теперь, как договорились, вопросы на уточнение.

В.И. Мироненко. Хотел бы все-таки уточнить позицию. Говоря о внешних влияниях, внешних полях притяжения в процессе дезинтеграции и пространства, Вы упомянули две страны – Украину и Молдову. Это означает, что на других субъектах этого процесса не оказывается такое же влияние?

А.В. Гущин. Нет, конечно, оказывается. Только оно оказывается по-разному. Китай оказывает по-своему влияние на тот же Таджикистан, на тот же Узбекистан -

через экономическое проникновение, через инфраструктурные проекты, через трубопроводы из Туркменистана и т.д., инфраструктурные проекты в Казахстане. Но, кстати говоря, я думаю, что можно спрогнозировать и определенное внешнеполитическое и военно-политическое усиление Китая.

Например, с Таджикистаном уже в последнее время стали проявляться такие попытки. А просто в западной части несколько иной инструментарий, несколько иные механизмы влияния и несколько иная ситуация внутри этих стран. То есть совершенно разные политические системы и разный обратный вектор, о чем я говорил, со стороны этих стран в сторону внешних игроков.

Но, конечно, влияние оказывается не только на западную часть, но и на южное, как говорят, «подбрюшье» России. На Российскую Федерацию и на страны Кавказа тоже, конечно.

А.В. Малашенко. Вы настаиваете на слове «регион», или просто для того, чтобы не повторяться?

А.В. Гуцин. Нет, не настаиваю. Это, скорее, фигура речи для удобства. Можно сказать – макрорегионы или как-то нивелировать это. Естественно, это разное, конечно.

А.А. Улунян. Вы здесь упомянули о дезинтеграционной роли Турции, КНР и США. Что подразумевать под словами - дезинтеграционная роль? И о какой интеграции в таком случае или дезинтеграции идет речь?

А.В. Гуцин. Я согласен с этим вопросом. Но, если с позиции России смотреть – это одно, с позиции самих государств – это несколько иное. Я говорю не о дезинтеграции как таковой, а о разных интеграционных проектах, о влиянии разных внешних сил и о проектах этих внешних сил, с которыми России приходится и придется конкурировать. Та же евразийская интеграция, та же ОДКБ, например, которая сейчас, несмотря на все попытки, пока остается достаточно аморфной структурой, это все равно наши проекты, которые мы должны развивать и которые, в случае усиления позиций других региональных держав и глобальных держав либо ослабнут либо видоизменятся, как и роль России в них.

Однако, с другой стороны нужны и формы экономической кооперации с тем же Китаем, а главное, очень важны и более активное институциональное развитие ЕАЭС, и более активное расширение полномочий наднациональных структур, регулирующих экономическую политику в рамках союза, а также развитие отношений ЕАЭС на внешнем его контуре (к примеру, в виде зоны свободной торговли). Если все это будет

сопутствовать нормализации международной обстановки в Евразии, прежде всего в контексте отношений России и ЕС (институциональная прочность которого порой недооценивается сегодня), то вполне может стать катализатором развития интеграции. Тогда парадигма сохранения, элементы которой сегодня присутствуют в политике России на постсоветском пространстве, сменится в полном смысле слова парадигмой развития, импульсы которого будут привлекательны для всей Евразии и создадут условия для реализации инфраструктурно-логистических, индустриальных и гуманитарных проектов континентального масштаба. Пока же объективные обстоятельства складываются таким образом, что сама по себе интеграция на евразийском пространстве встречает целый ряд серьезных проблем.

А.В. Рябов. Если нет вопросов, я предлагаю перейти к дискуссии. Но прежде чем это сделать, хочу сказать следующее. Мне показалось, что из выступления Александра вырисовались, по крайней мере, три очень интересные проблемы, которые я предлагаю помимо всего прочего обсудить.

Проблема первая. Можно ли говорить с учетом существования конфликтов – этнополитических, национально-государственных о том, что процесс складывания национальных государств на территории постсоветского пространства уже завершен или еще нет? Есть такая точка зрения, что к концу 90-х они уже состоялись, обратное движение невозможно. Я хочу услышать ваше мнение на этот вопрос.

Вторая проблема связана с интеграционными процессами. Незавершенность, «неполучаемость» полновесной интеграции - чем это обусловлено? С фактором однотипных экономик или, может быть, с психологическими комплексами боязни «большого брата»? Действительно ли за любым интеграционным процессом обязательно появятся интересы России - «большого брата», и столь долго зарабатывавшийся национальный суверенитет других постсоветских стран может от этого как-то пострадать?

В.И. Мироненко. Своим предложением Вы, Андрей, поставили в несколько сложное положение. Потому что на мой вопрос вначале: как обсуждаем – все вместе или последовательно, Вы ответили: лучше отдельно. Но ставите вопросы, касающиеся второй и третьей частей предложенной дискуссии. Но неважно. Дело не в этом. Я, видимо, все-таки поступлю так, как Вы просили, – выступлю по той части дискуссии, которая открыта.

В том, что касается первой, самой общей части дискуссии. Понять, где мы находимся 25 лет спустя после всего, что произошло, откровенно говоря, я не встретил

ясного связанного описания того, а что, в общем, произошло в пространстве бывшего Советского Союза, - сложная задача. Вряд ли мы можем в таком формате и за это время ее решить. Я думаю, что это огромная тема. Это колоссальная по значимости и по масштабу задача. Хорошо, что мы пытаемся ее решить.

Ничто не мешает нам соотнести взгляды на эволюцию так называемого постсоветского пространства и составить общую картину, достичь какого-то согласия в тех пунктах, где это возможно.

Но мне кажется, что очень важно, как в любой дискуссии, определиться сразу, «на берегу», с терминологией, во-первых, и с контекстом, во-вторых. Нередко я являюсь свидетелем дискуссий на эти темы, в которых люди вкладывают в тот или иное понятие совершенно разное содержание и обсуждают их в совершенно разных контекстах.

Я хотел бы сделать три предварительных замечания, которые мне представляются важными. Если и вы сочтете их таковыми, их обсуждение можно было бы продолжить.

Александр, я не случайно задал Вам вопрос о том, что Вы так сказали: «Молдавия, Украина, внешнее влияние, остальные как бы вне». Я удовлетворен Вашим ответом. Но я-то имел в виду немножко другое – то, что эта эволюция в течение этих 25 лет происходила не изолированно, не в каком-то огороженном, выгороженном из общих мировых процессов пространстве. Я думаю, что, обсуждая эту проблему, обязательно нужно иметь в виду, что оставить половину «Ялтинско-Потсдамского мира», на что, похоже, рассчитывали многие на Западе в процессе перестройки и реформ, которые привели к распаду Союза, не удалось.

И, по-моему, сегодня в контексте сегодняшних событий - Brexit, выборов, сейчас, правда, немножко полегчало после Австрии и т.д. – есть все основания сказать о том, что случилось то, что и должно было случиться. О чем, кстати, хозяин этого здания нас неоднократно предупреждал, а его за это критиковали. Вслед за Советским Союзом рухнул весь мировой порядок, несущими элементами которого были и «мировая система социализма» и Советский Союз, хорош он был или плох.

Второе замечание чисто методологическое. Я думаю, что наш анализ всегда будет связан со сравнением того, что было, и что есть. Эти сравнения уже начались. Нельзя сравнивать – меня все время преследует эта мысль – сегодняшнее положение вещей с тем, что мы имели в Советском Союзе. Прошло 25 лет. Это методологически

недопустимо. Мы не знаем и уже никогда не узнаем, что бы было, если бы Советский Союз сохранился, состоялся Союзный договор и т.д.

Поэтому я полагаю, что сравнивать лучше всего не с тем, что мы имеем, а с тем, что обещали те, кто разрушал ту форму экономической и политической интеграции, которая ушла вместе с Советским Союзом.

Третье замечание. Адекватная общая оценка происходящего, по-моему, совершенно невозможна без согласия в том, от чего, куда шли и Россия, и все другие новые независимые государства. Скажем так: от чего и куда все мы шли, что являлось главной идеей перестройки. Только не в карикатурном варианте, как чаще всего сейчас эти идеи подаются. И даже не в начальном варианте, какой эта идея была в 85-м – начале 86-го года, а к тому времени, когда она уже вызрела в процессе дискуссий, споров и т.д.

Михаил Горбачев как-то образно определил (я не помню этого дословно, но в голове сидит сама мысль): дать обществу больше кислорода. Если перевести это на сухой академический язык, с моей точки зрения, получается – расширить степени свободы для тех, кто этого хочет, кто может пользоваться этими степенями свободы и кто не будет этим злоупотреблять.

Мне кажется, что эти три элемента – контекстуальные, методологические и сущностные – очень важно держать в поле зрения, в сознании, когда мы обсуждаем процессы, которые происходят.

Что касается второго и третьего вопросов, я позволю себе в процессе дискуссий остановиться и на них.

Спасибо.

А.В. Малашенко. Андрей, когда Вы будете готовить этот доклад, может быть, каким-то образом сформулировать тот факт, что постсоветское пространство, вообще понятие постсоветскость – «истаивает», испаряется из нашего сознания и лексикона. И уже не вернется. Это все принадлежит истории. То поколение, о котором сегодня говорилось – от 18 до 25 лет, скоро станут совершенно зрелыми людьми. И те из них, которые впоследствии войдут в политику, для них это будет все равно, что Первая, что Вторая мировая война. Интересно, увлекательно, но этого больше нет.

Это первое.

Второе. По поводу «саморазбегания» бывших советских республик. Вам не кажется, что дальнейшее разбегание, формирование, и укрепление национальных государств – это один и тот же процесс? Чем дальше я убегаю, тем больше мне хочется

выстроить собственное государство. Я полностью согласен с негодующими репликами Аркадия Дубнова. В Центральной Азии далеко до завершения госстроительства. Но процесс-то идет, и он, необратим. Какое государство появится, не знаю. Но вспоминают приказку: «если долго мучиться, что-нибудь получится».

Третье. По поводу интеграции. Полностью согласен с докладчиком. Я бы еще жестче выразился. Во-первых, сотрудничество на постсоветском пространстве – прежде всего двустороннее. Даже если мы посмотрим на Евразийский Союз, то это прежде всего Казахстан-Россия, Россия-Белоруссия... . А вот Россия-Казахстан-Белоруссия (в любой последовательности) – это вопрос. Пользу же от интеграции, да и то не очень большую, получают только Белоруссия и только Казахстан. Если Россия не будет платить деньги за интеграцию той же Белоруссии, то, как говорил батька Лукашенко, мы интеграцию «оптимизируем».

Что касается, Евразии, «большой Евразии», это полный миф. Коллеги, где границы большой Евразии? Китай в ней? Турция там? Я и про малую Евразию не знаю, что это такое. До Евразии, как реального геополитического фактора мы не доживем. Хотя бы потому, что в реальности такого фактора нет и не будет.

Что касается конкретной интеграции, т.е. Евразийского Союза, то у каждого здесь свои собственные нацинтересы. Россия хочет показать, какая она великая. Казахстан вынужден постольку, поскольку справа экспансия Китая и нужен какой-то контрбаланс. Белоруссии нужны деньги. Киргизии, Армении тоже они нужны. Кроме того, быть под крышей ЕАЭС для Армении дополнительная гарантия против Азербайджана.

ЕАЭС - интеграция бедных стран, бедняков. А такая интеграция заведомо неустойчиво, даже объединяясь бедняки не решат своих главных экономических да и всех прочих проблем.

И третье. Когда есть такой, пользуясь словами советской радиопостановки «Комитет охраны авторских прав природы» (КООАП) председатель-кашалот, который намного больше других «зверей и рыб» и пытается всем командовать, интеграция начинает переходить в политическое русло, а это «коопавцы»-евразийцы совсем не хотят. Они дорожат своим суверенитетом.

И одно последнее замечание. Говорилось о государствах признанных и непризнанных. Поставим другой вопрос – о границах. Все ли границы «устаканились»? На западном направлении бывшего СССР, как выяснилось, нет, на Южном Кавказе –

тоже нет. Не знаю, со мной Дубнов согласится, мы еще не знаем, чем все кончится в Центральной Азии.

Спасибо.

А.В. Рябов. Мне кажется, Алексей добавил один очень интересный новый тезис - о вынужденной интеграции, без которой сегодня постсоветские государства никак не могут обойтись. Но из этого следует, что как только появится альтернатива, интеграция закончится.

И второе. Прозвучал еще один важный тезис. Процесс национально-государственного строительства продолжает идти, но он не завершен. Можно ли говорить о каких-то критериях этой завершенности? Может быть, зафиксированные и неоспариваемые границы – это и есть один из таких критериев?

А.Ю. Дубнов. Даже если бы Алексей Малашенко не кинул бы мне эту перчатку, я бы все равно ее приподнял бы. Дискуссия – это когда сопротивляешься или не согласен. Я, может быть, немножко опоздал, но с тем, что говорил Александр Владимирович Гущин, - спорить там особенно не с чем. Просто я хотел бы полаконичнее отразить эту историю с процессом, как он был поставлен в нашем проекте, - продолжается ли распад. Конечно, однозначно продолжается.

Я просто хочу вернуться к тезису, который мне очень импонирует. Его выдвинул Виктор Иванович Мироненко. Надо вернуться к тому моменту, когда все начиналось. Я не хочу сейчас говорить: было бы лучше, было бы хуже. Что называется, не об этом мы сегодня талдычим.

Просто напомню. В сентябре 91-го года к Ельцину, который уехал в Сочи на передышку, приехал (в этих стенах можно назвать эту фамилию, надеюсь, никто не обидится) Бурбулис и привез ему некий план, некую записку, в которой он изложил ситуацию, кардинально изменившуюся спустя месяц после путча ГКЧП. Если до путча отношения России и республик по отношению к Центру были одни, то есть они вместе против Центра работали, его, что называется, разваливая и подтачивая, - то после путча ситуация изменилась принципиально. Россия остается как будто бы одна, потому что большая часть республик боятся потерять Центр, потому что он был для них как бы ресурсораспределяющим началом. И дальнейшая ситуация вынуждает Россию, уже выбравшую путь радикальных экономических реформ...идти по нему в одиночестве, потому что все остальные республики не знают, что им делать. И в реальности, как правило, так оно и было тогда.

Я к этому моменту хочу вернуться. По каким критериям можно вообще распределить республики СНГ? У меня первым стоит критерий – это ресурсная составляющая. Ресурсная составляющая республик бывшего Советского Союза... Я сейчас в сторону отставляю республики Балтии, хотя они отчасти даже подтверждают значимость критерия, но не будем их здесь касаться – ломоть давно отрезан. По ресурсной составляющей было предопределено, что самостоятельное государственное, национальное строительство более или менее успешное возможно только там, где эти ресурсы есть.

Возьмите сегодня просто навскидку. Казахстан – да. Азербайджан – да. Но в некоторых случаях я добавляю к этим критериям еще наличие внешнего врага, который укрепляет возможности государственно-национального строительства. К Азербайджану это, скажем, больше применимо. Отчасти к Узбекистану. Всё остальное где-то на грани failed state или недообразовавшиеся... Как сказал Александр Владимирович, да, действительно правильно – три региона, пусть субрегиона, как угодно.

То же самое, кстати, если забежать вперед, и отсутствие реального представления об ОДКБ как военно-политической структуре. Там нет ОДКБ. Там есть три направления обеспечения безопасности – Юг, Запад и Восток, которые объединяются исключительно только одной структурой – российской.

Поэтому все, что касается продолжения этого национально-государственного строительства, определяется перспективами этих недообразовавшихся государств. Я даже больше скажу. Рискованно, на меня братья-киргизы обидятся. Если бы у Киргизии с Россией были бы общие границы, я думаю, что вообще может быть тенденция присоединения Киргизии к России, как однажды об этом сказал Феликс Кулов (бывший вице-президент Киргизии, - А.Д.)... Не случайно сказал. И не он один. И местные элиты, скрипя зубами, отбросив историю Манаса, может быть, уже сделали свой выбор.

Я хочу сказать, что этот процесс продолжается. И все во многом будет, конечно, зависеть от того, что будет происходить здесь, в этом старом ядре империи и прочее.

Дальше не буду продолжать. Еще будет возможность об этом поговорить.

Д.Э. Летняков. Я хотел бы сказать несколько слов об интеграции на постсоветском пространстве и о проблеме того, что все постсоветские страны продолжают удаляться от России. Мне кажется, что если мы оцениваем процесс интеграции с точки зрения существования каких-то наднациональных структур типа

ЕС, работающих межгосударственных соглашений, то, конечно, интеграционные процессы на постсоветском пространстве действительно не назовешь успешными. Но ведь можно же посмотреть на интеграцию шире – как на процесс, который идет на разных уровнях. И тогда мы увидим, что ситуация не столь однозначна.

Скажем, в отношениях между Россией и государствами Центральной Азии можно определенно говорить о некоторых формах интеграции и взаимозависимости. Это проявляется, среди прочего, в росте миграционных потоков из Центральной Азии в Россию с конца 1990-х гг. Разве это не является фактором, который связывает нас в какой-то степени?

Можно говорить и о взаимозависимости экономик опять же благодаря миграции. Россия зависит от притока рабочей силы из региона, а экономика таких стран как Таджикистан зависит в очень сильной степени от перечислений, которые идут от мигрантов – до последнего кризиса в Таджикистане они составляли около 40% ВВП. Это являлось мировым рекордом, насколько я знаю.

Дальше давайте посмотрим на развитие транспортных потоков. В 1996-м г. между Россией и Таджикистаном был только один регулярный авиационный рейс. Пару лет назад было уже около 30 регулярных рейсов. Т.е. транспортное сообщение, которое почти умерло сразу после распада Советского Союза, с конца 1990-х активно развивалось. И это же тоже в какой-то степени процесс интеграции.

И последнее. Не будем забывать о том, что страны Центральной Азии в определенной мере продолжают оставаться включенными в общее информационное, культурное и языковое пространство с Россией. В большинстве стран этого региона в школах продолжает изучаться русский язык, многие города остаются территорией национально-русского двуязычия. Конечно, это не сравнить с ситуацией, которая была в советское время, но я совсем недавно смотрел по телевизору новостной сюжет из Узбекистана, посвященный президентским выборам, и заметил, что часть предвыборной рекламы там была на русском языке. И это в Узбекистане – далеко не самой русифицированной стране Центральной Азии, которая уже давно перешла на латинскую графику. Все-таки постсоветское пространство во многом еще остается пространством русскоязычным – российская массовая культура имеет там достаточно большую популярность, многие люди продолжают смотреть российское телевидение (как правило, через спутниковые тарелки), выходить в русскоязычный сегмент интернета.

Поэтому мне кажется, что говорить, будто все постсоветские страны разбегаются в разные стороны, было бы неправильно. В реальности мы имеем достаточно противоречивые и разнонаправленные тенденции.

А.Ю. Скаков. Выскажу несколько сумбурную реакцию на то, что было сказано, в первую очередь, первым докладчиком. Я согласен, конечно, с его делением этого региона на три субрегиона или региона (можно по-разному называть). Эти крупные регионы также распадаются на другие, более мелкие регионы. Найти общее между Белоруссией и Молдавией, хотя они относятся к одному региону, можно, конечно, но это сложно. С таким же успехом можно найти общее между, например, Белоруссией и Грузией. А если взять Грузию, Армению и Азербайджан – мы увидим совершенно разные ситуации в этих трех странах. Центральную Азию я знаю хуже, поэтому не берусь о ней говорить. Но тоже думаю, что это, конечно, не один регион.

Если брать СНГ как диалоговую площадку – да, хорошо, что есть такая площадка для диалога. Но не лучше ли вести этот диалог на разных площадках, не будет ли он более успешным? Я имею в виду, что диалог, например, по проблемам Каспия бессмысленно вести с участием, например, Белоруссии. Конечно, можно, но какой в этом смысл?

То есть надо развести этот диалог на три или более, или пять, или семь площадок. Зачем нам нужна такая глобальная площадка для большого диалога? Что это дает, кроме воспоминаний о нашем общем прошлом, которое все уже почти забыли?

Что касается ОДКБ: его скорее нет, чем он есть. Если разделить его даже на три вектора – западный, южный, юго-восточный, все равно они не работают. Это показали весенние события вокруг Карабаха. Где там был ОДКБ? Не было там никакого ОДКБ, хотя Армения остается его членом.

То же самое касается и военных столкновений, которые до этого неоднократно происходили в Центральной Азии. Где там был ОДКБ? Его там не было заметно.

Остановлюсь на проекте интеграции, имея в виду евразийскую интеграцию. Да, есть запрос на этот проект. Он чувствуется. Возможно, этот запрос вынужденный. У кого как – по-разному. Но, тем не менее, он есть. Но будущее этого проекта не определено по разным причинам. Опять же докладчиком было сказано: «пока говорить не о чем».

Как правило, мы наблюдаем не интеграцию, а двусторонние отношения. Смешно говорить об интеграции, например, применительно к отношениям между Россией и

Арменией. Это не интеграция, это двусторонние отношения. Или даже если взять Россию и Абхазию. Это тоже не интеграция. Интеграция должна быть по меньшей мере трехсторонней.

Если брать евразийскую интеграцию, давайте вспомним Таможенный кодекс. Когда он должен был быть принят? По-моему, к началу кончающегося года. Потом пообещали к концу этого года. У меня такое ощущение, что к концу этого года он тоже не будет принят. Когда же он будет принят? Это вопрос. Вообще будет ли он принят и чем это кончится?

Если предполагать успешную интеграцию, для этого в интеграции должны быть лидер или лидеры. Для этого он должен чем-то поступаться, должен чего-то отдавать. Например, Китай много обещает и дает своим партнерам. Везде – в Азии, Африке, уже и в Латинской Америке. Но потом он чего-то получает. Но при этом Китай, обычно, когда чего-то дает, отделяет экономику от политики. Зато потом он получает и политические преференции также. Но сначала он старается о политике не говорить. А мы в СНГ хотим сразу, получить в одном пакете, чтобы экономика была связана с политикой. То есть и дать чего-то, и получить преференции сразу. Так редко бывает. Процессы интеграции надо делить на некие временные и логические части. У нас же, когда приходит человек на некую должность, и за время его полномочий, за полгода например, он должен добиться решения поставленной перед ним задачи... Но так не бывает. Это процессы, которые тянутся годами, даже десятилетиями. Именно из этого исходит Китай.

Россия дает чего-то своим партнерам, если ее заставить давать. Если сильно попросить или вынудить ее дать, тогда она даст. Это мне напоминает отношения между жильцом и, например, приходящим к нему домой сантехником. Конечно, сантехник нужен: приварить трубы или еще что-нибудь сделать... Но он то пьяный, то просто не приходит и т.д. Его надо заставить, чтобы сделал что-то хорошо, надо проверить его работу. То есть интеграции с сантехником быть не может. Это не интеграция, а отношения, и это именно вынужденные отношения.

Поэтому у наших партнеров с нами вынужденные отношения, как с приходящим домой рабочим для починки труб, как с конторой для наполнения их газом, нефтью и т.д., чем-то еще. Почему? Потому что нашей стране, элите - не знаю, как называть этого субъекта отношений, интеграция по большому счету нужна только на словах. Она ей не нужна, не выгодна и не интересна.

Я вчера был на Слушаниях в Думе, посвященных 25-летию СНГ. Зрелище было печальное, скажем так. Я вышел, потому что уже не мог сдерживаться, и не я один вышел, мы стояли и смеялись... Там было четыре ярких доклада. Яркие по определению. Это были Жириновский и Зюганов. Были, конечно, перлы, особенно у Зюганова, который сообщил нам, что он изучает историю, у него даже есть опубликованные книжки по истории. По его словам, в мире есть сотни стран, но всего у десяти из них есть тысячелетняя история. И одна из них – Россия. Не знаю, где он историю изучал, но в школе-то он учился....

Реплика. Вторая – это Украина.

А.Ю. Скаков. Видимо, да. Еще два выступления были яркие. С ними можно спорить, но они были яркие, интересные и обращенные в отличие от Зюганова и Жириновского не к прошлому, не к тому, что было за тысячу лет, во времена Сталина, Ленина и прочее, при развале СССР, а обращенные к современности. Это были выступления Глазьева и Затулина. Это были яркие и интересные выступления. Остальное – это были отчеты ведомств, отчеты о проделанной работе. Отчеты безграмотные, мягко скажем. Но очень утешающие. После них можно купить домик где-то на границе Абхазии и Грузии, и пить кофе на берегу моря. Ничего больше не остается.

Например, выступает М.Е. Швыдкой. У него сейчас какая-то комиссия или фонд или комитет... Он говорит: если переводить классику в Киргизии на киргизский язык, нужно переводить, например, всего Диккенса. Я уверен, что Диккенс на киргизский язык переведен давно. Даже на абхазский язык переведен. Потому что была программа перевода классиков на языки народов СССР. И на киргизский тоже переводили.

Одна из идей, высказанных Швыдким: «нужно сейчас России (председательствующей в СНГ) поставить в Ржеве памятник советскому воину. Потому что в Ржеве воевали вместе русские, казахи, татары». Он что не знает, что на всех фронтах СССР в Великой Отечественной войне воевали вместе русские, казахи, татары. Все памятники, стоящие в СССР, – безусловно, памятники советскому воину. «Ржев – это город героический, он переходил из рук в руки». Я не знаю, где учил историю Швыдкой. Ржев никогда из рук в руки не переходил, Ржев был захвачен немцами в октябре 1941 г. и немцами удерживался до конца Сталинградской битвы, когда они, в марте 1943 г., его спокойно, тихо сдали.

Теперь про замороженные конфликты. У нас различные регионы, разные страны, так же и конфликты все разные. И риски тоже разные. Берем пример –

Абхазию и Южную Осетию. Риски, связанные с ними, сейчас имеют исключительно внутренний характер. Внешних рисков я не вижу. Для Приднестровья, напротив, риски, скорее, внешние, но связаны они с непредсказуемостью наших украинских коллег.

Недавно было заявление кого-то из украинских депутатов насчет того, что Украина может решить проблему Приднестровья за три дня. Два дня – на решение проблемы Приднестровья, один день – на проведение референдума. И это потому, что «украинская армия сейчас очень сильная», так было сказано. Если не учитывать фактор безответственной политики внешних игроков, серьезных проблем у Приднестровья я сейчас не вижу.

Единственное место, где в ближайшем будущем возможны серьезные проблемы, это, конечно, Карабах. А также Новороссия, где может быть всякое, возможны любые сценарии. За исключением Карабаха, более опасна не внутренняя ситуация, внутри региона, а внешний фактор. Что я имею в виду? К примеру, изменение курса администрации США, большее влияние «ястребов» в Вашингтоне, непременно сразу же повлияет на поведение Грузии, на политику Грузии. То есть политика Грузии будет становиться другой, чем она сейчас есть, что опасно для стабильности в регионе.

То же самое Карабах, хотя здесь, конечно, больше доминирует именно внутренний фактор, то есть позиции Армении и Азербайджана. Но, тем не менее, не случайно, что обострение ситуации весной случилось в разгар ухудшения отношений между Россией и Турцией. Здесь тоже, как видим, влияют внешние причины.

Поэтому я думаю, что единого постсоветского пространства давно уже нет. Оно больше живет в наших головах и в головах тех, кто еще приезжает в Россию, кто учит русский язык, кто его еще знает. А их все меньше и меньше.

О.А. Воркунова. Я тоже постараюсь кратко пройти по всем нашим основным блокам первого доклада.

Первое. Существует ли на нынешнем этапе спустя 25 лет понятие – постсоветское пространство. Здесь я полностью согласна с Александром, что в большей степени такое понятие о едином постсоветском пространстве становится скорее психологическим и инерционным. То есть определение - постсоветское пространство - как единый регион на сегодняшний день, наверное, просто как клише, как представление, сохраняющееся в наших головах, может иметь место. Но как понятие, устремленное в будущее, как модель развития – я бы здесь выражала большое сомнение.

Второй момент. Произошло ли завершение государственного строительства? Но здесь я тоже согласна с докладчиком, что этот процесс еще продолжающийся. И самый важный момент, если мы берем Россию как некий двигатель этого постсоветского национального строительства, отсутствует самое главное – это понимание стратегии развития, модели развития. У нас до сих пор нет видения – собственно, куда развивается Россия и как она развивается. И если мы будем анализировать все постсоветские государства, то, пожалуй, только, наверное, Казахстан (я не знаю, Аркадий меня поддержит или нет), именно там были попытки сформировать долгосрочную стратегическую программу развития государства. Во всех остальных – это в большей мере конъюнктурное представление о том, как будет развиваться государство в том или ином направлении.

Что касается интеграции. На мой взгляд, полноценной интеграции на постсоветском пространстве, к сожалению, так и не произошло. Поскольку не сформированы общие органы управления, не сформирована элита, заинтересованная в интеграции. И в этом смысле, конечно, доминируют двусторонние связи, а не многосторонние. Больше говорилось о намерениях. Предлагались различные интеграционные проекты. Но полноценной интеграции так и не произошло.

И этот момент очень опасен с точки зрения дальнейшего развития мировой экономики, поскольку возникают новые проекты и образуются совершенно новые основы развития. Это глобальные цепочки добавленной стоимости, которые совершенно по-другому меняют весь контекст, всю природу интеграции.

На повестке дня большие мега-проекты, которые будут развиваться. К сожалению, ни Россия, ни страны постсоветского пространства пока еще не нашли своего места в этих мега-проектах. И как будут развиваться адаптационные возможности встраивания – с одной стороны? А с другой стороны – насколько готовы страны постсоветского пространства к такому ускоренному развитию? Здесь временной фактор тоже очень важен. Потому что если не успеваешь вовремя встроиться в мега-проекты, то фактически тогда постсоветские страны окажутся на обочине мирового экономического и политического развития.

И третий момент. Мы всегда анализируем в постсоветских государствах некие векторы развития. То есть вектор развития, скажем, проевропейский, если мы берем славянский треугольник, условно говоря. Или проатлантическое направление развития. Для стран Центральной Азии, для стран Южного Кавказа возникает вопрос, в каком направлении двигаться? Встраиваться в эти мега-проекты или участвовать в проектах

европейской интеграции? И все это на фоне такого ускоренного и достаточно опасного конфликтогенного развития в Европе и других странах мира.

И еще такие моменты, когда мы говорим о феномене замороженных конфликтов, безусловно, здесь (я тоже согласна с Александром) самый опасный – это Нагорный Карабах. И как будет развиваться ситуация вокруг Нагорного Карабаха и Южного Кавказа именно в контексте большой геополитической игры? Здесь налицо соперничество и конкуренция между Турцией и Ираном.

Что касается Центральной Азии, то в регионе в перспективе могут образоваться риски, связанные с экологией, с проблемой воды. И не исключено возникновение новых конфликтных ситуаций. И пока на постсоветском пространстве не сформировался механизм урегулирования конфликтов, то подобная тенденция достаточно опасна.

В.П. Жарков. Не будучи специалистом-страноведом по региону СНГ, я бы хотел обратить внимание на ту проблему, которая меня интересует с точки зрения теории международных отношений.

Постсоветское пространство – будем исходить из этого определения – вопреки тому, что от него ожидается и ожидалось, все более становится, даже превратилось сегодня в пространство классической международной анархии. Все предпринимавшиеся в последние 25 лет интеграционные проекты оказались неэффективными не только в пределах бывшего СССР, но и в рамках субрегионов, например, если мы говорим о Центральной Азии, Южном Кавказе и т.п. Каждая страна Центральной Азии, несмотря на географическую, культурную и экономическую близость друг к другу ведет свою собственную эгоистическую внешнюю политику, ни о какой кооперации и тем более о горизонтальной интеграции в рамках данного региона говорить совершенно невозможно. То же самое мы видим, если говорить о Южном Кавказе и т.д.

Более того, почти все постсоветские страны оказываются плохо интегрируемы не только между собой, но и в какие-то внешние по отношению к бывшему СССР наднациональные структуры. Пожалуй, за исключением трех стран Балтии, которые вошли в Европейский Союз. Но это совершенно отдельный разговор, который очевидно находится за скобками.

Почему это происходит, и как бы я попытался это объяснить для себя? С одной стороны (здесь уже об этом говорилось), все-таки когда мы рассуждаем об интеграционных союзах и объединениях, их исторические примеры, в том числе

реально существующие сегодня, связаны с наличием того или иного либерального проекта. Европейский Союз, который сейчас переживает нелегкие испытания, на сегодня это в любом случае самый успешный интеграционный проект, по природе своей либеральный. Это объединение в основном богатых или успешно развивающихся стран, на что уже совершенно справедливо было обращено внимание: обычно интеграция происходит между экономически развитыми странами, богатыми странами или теми, кто демонстрирует динамичное развитие у успехов модернизации.

Наряду с этим существует и второй момент, который связан с уровнем развития политической структуры. Страны, создающие более-менее успешные объединения с политической надстройкой, как правило, являются демократическими или опять же демонстрируют устойчивый вектор демократизации, достигнув на этом пути немалых для себя успехов. Такие страны по меньшей мере могут быть названы республиками, в том плане, что в них установлено верховенство права, существует разделение властей, осуществляется законная сменяемость власти и действует гражданский контроль за деятельностью правительства. Именно такие государства идут на реальную интеграцию и способны достичь хотя бы относительного успеха в доверии и кооперации между собой. Авторитарные государства на интеграцию идут крайне редко, и эта интеграция, если и имеет место, носит действительно вынужденный ситуативный характер.

Вообще-то любая интеграция так или иначе вынужденная мера. Но бывает интеграция вынуждена, например, тем, что британская финансовая элита думает о том, как не потерять то, что сегодня может быть потеряно в результате Brexit. А может быть вынужденная интеграция, скажем, стран «оси» – в целях передела мира между тоталитарными режимами. Разница принципиальная: в одном случае долгосрочный альянс во имя мира и процветания, в другом – ситуативный сговор ради войны и порабощения.

К сожалению, мы должны констатировать, и это связано, в том числе, с уже поставленным вопросом о состоятельности национальных государств, большинство политических режимов постсоветского пространства в той или иной степени далеки сегодня от демократической модели. Ожидать того, что авторитарные государства будут интегрироваться в «союз свободных республик», с точки зрения либеральной теории международных отношений – это нонсенс. Это невозможно. Очень вряд ли.

Возможен, конечно, иной путь интеграции, где скорее помогает подход реализма – на основе гегемонии какой-то одной доминирующей силы. И здесь я позволю себе

оттолкнуться от тезиса Виктора Ивановича Мироненко о фактически утраченной гегемонии в результате роспуска СССР. Потому что мы видим – хотя это требует дополнительного изучения – дефицит гегемонии на постсоветском пространстве, собственно, с момента, когда союзный центр (Москва) утратил контроль над разбегающимися республиками. Эта потерянная гегемония союзного центра до сих пор не восполнена никем и ничем. Она не восполнена Российской Федерацией при всех устремлениях подобного рода. Она не восполнена никакими внешними игроками при всех известных опасениях подобного же рода.

Важный критерий гегемонии, о котором нельзя не сказать в существующем весьма трагическом контексте. Если мы говорим о мировом порядке, то начиная с Вестфальской системы, мировой порядок – это определенная система границ, установленных и поддерживаемых более-менее стабильно. И эта стабильность границ кем-то гарантируется, например, Францией, как это было в той самой классической Вестфальской системе 1648 года, или каким-то другим крупным доминирующим игроком, берущим на себя роль гаранта порядка, выражающегося прежде всего в неприкосновенности сложившихся и международно-признанных границ.

Сегодня, и это совершенно очевидно, Россия не выступает гарантом границ на постсоветском пространстве, тем самым, кстати говоря, ставя под вопрос собственную гегемонию и собственную роль в формировании новой международной системы, того порядка, который бы хотелось иметь претендующей на роль нового регионального гегемона Москве. Если нет устойчивых границ, если режим границ некому поддерживать, о каком порядке вообще может идти речь? Пересматривая существующие международно-признанные границы, Россия, получается, сама, совершенно добровольно подрывает собственную возможную гегемонию на постсоветском пространстве, которое утекает у нее между пальцев.

Соответственно, в этих двух перспективах – и в реалистической, и в либеральной – мы видим существенные препятствия для формирования какой-либо интеграции по тем или иным основаниям – на основании ли гегемонистской силы либо на основании либерального интереса. Здесь нет ни того, ни другого.

Денис Эдуардович Летняков сказал о наличии взаимозависимости между постсоветскими странами. Но ведь есть данные Федеральной таможенной службы Российской Федерации о внешнеторговом обороте нашей страны. Напомню классические критерии, по которым меряется эта взаимозависимость. Это – в первую очередь внешнеторговый оборот, направление финансовых потоков, миграционных и

туристических потоков, наконец, культурный фактор – кто, какой иностранный язык учит.

Если мы посмотрим внешнеторговый оборот Российской Федерации, да, страны СНГ, казалось бы, занимают третье-четвертое место в зависимости от года. Но что такое страны СНГ? Это бюрократическая конструкция, созданная для учета статистики. Ни одна конкретно входящая в СНГ страна, включая даже такие, как Белоруссия и Казахстан, не занимает какого-либо значимого места во внешнеторговом обороте России, значительно уступая Китаю, Германии, Голландии, Италии, Турции, Японии и прочим странам, за пределами постсоветского пространства.

Тогда, позвольте, где экономическая мотивация, если наши важнейшие торговые партнеры на самом деле в других регионах мира? И чем дальше, тем больше выясняется, что для этого объединения нет никаких иных рациональных оснований. Остается общая память, но она уйдет вместе с советскими поколениями. А остальных стимулов все меньше и меньше.

Подводя итоги, нельзя не отметить весьма печальные перспективы. Либеральных оснований для интеграции не будет еще долго, поскольку мы еще очень долго не увидим устойчивых демократических режимов на большей части пространства бывшего СССР. Вопрос о гегемонии какого-то одного игрока – мы понимаем, что это должна была бы быть Россия – тоже на самом деле остается открытым. Все попытки «возвращения величия» последних лет чреваты серьезными рисками в стратегической перспективе и показывают скорее, существующие лимиты силы, чем реальный рост могущества. Соединяя опять же оба подхода, необходимо подчеркнуть, что успешное будущее интеграции на этой территории во многом действительно зависит от России – от ее способности остаться в числе развитых стран мира, от реально успешной модернизации, включая демократизацию общественной жизни и политической системы. Россия, к сожалению, во многом утратила значение лидера модернизации на постсоветском пространстве, не только политической, но и экономической (что, конечно, взаимосвязано). На этом фоне мы скорее должны ожидать продолжения распада, и это серьезный вызов для одной шестой части суши, на который нет ответа пока ни у кого.

Д.Э. Летняков. Василий Павлович, я согласен с Вашим замечанием. Моя позиция была не в том, что все очень благостно и замечательно на постсоветском пространстве. Я просто говорил о том, что мы видим некие разнонаправленные тенденции. То есть, с одной стороны, конечно, да, то, что Вы сказали, справедливо. Но

нельзя говорить однозначно, что все страны разбегаются от России. Есть некие противоречивые тенденции в чем-то, по крайней мере.

А.В. Девятков. Соглашусь с мнением, доминирующим среди коллег, - в том, что сложно говорить о реальных перспективах интеграции на постсоветском пространстве. Ведь постсоветское пространство – это постимперское пространство. И как показывает опыт распада империй - Французской, Британской, Испанской, - бывшая периферия никогда не будет интегрироваться с бывшей метрополией, прежде всего из-за вопроса идентичности. Проекты национального и государственного строительства стран постсоветского пространства всегда будут опираться на подозрительное отношение к бывшей метрополии. Неважно, будут ее инициативы носить исключительно экономический, технократический характер, или предполагать какой-либо политический компонент.

Но мне кажется, что посыпать голову пеплом и говорить, что постсоветского пространства не существует как некоего единства, пока рано. Единство бывает не только интеграционным. Мне кажется, что постсоветское пространство существует прежде всего как пространство взаимопереплетения влияний внешних акторов при слабости самих государств этого пространства. И здесь, конечно же, стоит говорить о том, что у России есть еще достаточно большой багаж ресурсов для влияния на этом пространстве.

И в целом можно говорить о том, что Россия до сих пор, как показал, например, карабахский конфликт, продолжает принимать серьезное участие в урегулировании конкретных проблем безопасности этих стран. И этими проблемами, например, в Центральной Азии или на Кавказе заниматься больше никто не будет.

Второй момент. Как уже было сказано, если мы говорим о европейском интеграционном проекте, то для того, чтобы в нем участвовать, нужно быть действительно стабильной демократией и полностью либерализовать экономику на основании тех условий, которые предлагает, в частности, МВФ в рамках подписанных недавно Меморандумов с Украиной и Молдовой.

Это разного рода социальные и иные взаимозависимости, которые существуют, привязывая в какой-то мере эти страны в средне- и долгосрочной перспективе к России. Следовательно, так или иначе влияние у России будет сохраняться. Конечно, оно будет при этом сокращаться на фоне всех тенденций и прежде всего на основании экономического кризиса внутри самой России. В этой связи г-н Дубнов сказал о кризисе интеграционного ядра.

Но, тем не менее, у России при умной внешней политике, при адаптации к тем условиям, которые существуют, адаптации ее внешнеполитических инструментов, есть еще огромное количество ресурсов для влияния и поддержания этого пространства как некоего единого целого.

И.Е. Кочедыков. Я к вопросу об интеграции подошел бы с позиции государственного строительства, с государственно-центричного подхода. Нам важно ответить на два вопроса. Помимо ресурсов, о которых говорил Аркадий, надо ответить в целом: откуда и какие доходы получает от государства, на какие деньги оно финансирует свою деятельность? И какое принуждение помогает добывать эти доходы? Каково отношение между населением, государственным аппаратом и прочими акторами в этих механизмах?

Мы посмотрим на постсоветскую интеграцию и на международный процесс. Мы видим, например, в Молдове, надвигается фискальный кризис. И надо закрывать эту дыру в бюджете. Правительство обращается к какому-нибудь из внешних игроков за кредитом под вывеской интеграции. Оно получает некие деньги на эту интеграцию, закрывает бюджетную дыру и забывает об этой интеграции. То же самое происходит и в других постсоветских государствах.

Есть еще один момент интеграции. Существует ряд подходов к интеграции, конечно, есть реалистический взгляд на гегемонию, есть либеральный подход с его вниманием к демократии. Но есть еще промежуточный вариант в виде либерального реализме или как его еще называют – «английская школа», где постулируется важность некоторого набора общих ценностей. То есть, существует международное сообщество, которое разделяет не только институты и общие практики, но и общие ценности.

Есть ли набор общих ценностей у постсоветских элит? Как ни странно, да. Эти ценности называются «*бабло*». Здесь интеграция и происходит. Российские элиты вполне спокойно отмывают деньги через постсоветские государства. И элиты постсоветских государств также спокойно к этому относятся и получают свою долю в этом общем распределении доходов.

Да, есть интеграция внизу, о чем говорил Денис – о потоках мигрантов и их платежах. Есть интеграция на уровне элит по поводу отмывания денег и прочих разных их интересов вокруг *бабла*.

Есть третья интеграция на уровне формальных институтов, которая не срабатывает как раз-таки потому, что она находится между этими двумя, которые

действительно представляют реальную силу, но при этом она между этими двумя полюсами оказывается ненужной.

А.В. Малашенко. А если ввести такой термин – стихийная интеграция?

А.В. Рябов. Кстати, об этом имеет смысл подумать. Я дополню буквально пару слов. Предложенный Вами термин – «бабло» - я хотел бы заменить академическим. На самом деле он уже есть в литературе. Это государство-корпорация. Не корпоративное государство, а государство-корпорация. То есть государство как бизнес-проект некоторых групп властной элиты. В этом контексте интеграция возможна, если под ней понимать деловое сотрудничество между государствами-корпорациями. Она вполне возможна на основе общих или пересекающихся бизнес-интересов. Это вполне реально и в этом я с Вами абсолютно согласен.

Межгосударственные отношения между Россией и некоторыми постсоветскими государствами могут быть сложными, как мы неоднократно видели. Но это никак не мешает процессу совместного делания денег элитами двух государств-корпораций. Он не прекращался ни при каких кризисах, ни при каких тяжелых ситуациях.

Спасибо.

В.И. Брутер. Я не буду делать замечания или поднимать дискуссионные моменты по отношению к предыдущим выступлениям.

По крайней мере потому, что я почти последний. И это было бы неправильно.

Второй момент. Я, собственно, пытался ответить концептуально на поднимаемые вопросы в своей статье, которая была в журнале «Россия в глобальной политике» в начале прошлого года. Она называлась «Забывать Украину». Она касалась примерно тех же вопросов - двусторонних и внутриукраинских проблем.

Мне кажется, что я поставил там несколько очень правильных вопросов, на которые и сам не смог пока найти ответ.

Два замечания по поводу богатства интегрирующихся стран. Именно богатство Великобритании призвало британских избирателей выйти из Евросоюза. Нельзя сводить процесс интеграции к какой-то формуле. Это, на мой взгляд, просто абсурдно. Когда мы говорим о том, что интегрируются богатые страны. Могут интегрироваться разные страны. Это ведь вопрос идеологии проекта. Вступление Черногории в НАТО вообще не имеет никакого отношения к богатству Черногории и вообще к ее позиции в мире.

Вообще так нельзя ставить вопрос. Только в радио и телевидении.

Вопрос насчет интеграции постимперского пространства. Интеграция бывает в любом пространстве, в том числе частично и на постимперском пространстве. Вопрос ведь опять-таки в идеологии и в формуле будущего.

Когда мы говорим о том, что нет формулы будущего, а потом говорим, что постимперское пространство не интегрируется, то мы делаем с точки зрения логики совершенно недопустимые предположения. А если бы была формула будущего? Тогда что? Тогда все было бы по-другому. И тогда мы бы говорили: ну, раньше оно не интегрировалось, а теперь взяло и чуть-чуть сынтегрировалось. Так тоже нельзя ставить вопрос.

Теперь по сути. Насчет постсоветского пространства. Постсоветское пространство существует географически. Оно едино. И это пространство от Владивостока до Карпат, которое до сих пор хорошо понимает русский язык. Оно смотрит примерно то же самое. В Украине это, конечно, делать сейчас уже сложно, но еще можно. Оно смотрит примерно те же культурные программы. Оно одинаково относится к значительной части культурного наследия и оно, скажем так, не уходит быстро от этого культурного наследия.

Я думаю, что на память во Львове Пушкина знают не хуже, чем Ивана Франко. Я не знаю, является ли это показателем постсоветского пространства. Но это является показателем того, что жители Львова очень легко могут вписаться в современную российскую действительность, что они часто и делают, приезжая в РФ на работу.

Это говорит о том, что постсоветского пространства нет, или это говорит о том, что постсоветское пространство есть? На мой взгляд, это не говорит ни об одном, ни о другом.

Еще раз скажу. В политическом плане постсоветского пространства не существует. И на мой взгляд, его не существует с 91-го года. А в культурном и географическом плане оно, возможно, и существует. И в этом нет ничего удивительного. Потому что культурное и географическое в каком-то смысле может заменять политическое, по крайней мере на совершенно определенное, длительное время. А кроме того, здесь следует учитывать, что такое СНГ. СНГ - это не диалог. Потому что никакого диалога в рамках СНГ давно не существует. Может быть, он когда-то и был, в начале 90-х, хотя я в этом тоже сильно сомневаюсь.

Мне кажется, что это площадка, которая позволяет относительно плавно перейти от общего законодательства, от общего юридического и общего экономического пространства к национально-государственному. И в этом плане она оказывает

определенную пользу. Хотя бы потому, что оно регулирует очень много процессов, которые по-другому становились бы стихийными и мешали бы просто нормальному существованию и гражданских институтов, и экономических институтов. В этом смысле СНГ имеет определенную пользу. Эту пользу нельзя переоценивать. Но она всегда существовала и существовать будет, пока будет существовать СНГ.

При этом у меня нет никаких иллюзий, что СНГ может стать основой некоего интеграционного процесса. На мой взгляд, нет. И в заключение скажу, почему я так считаю.

Что касается национально-государственного строительства. Национально-государственное строительство имеет свой критерий. Критерием эффективности национально-государственного строительства является количество мигрантов на душу населения. Чем больше миграция, тем хуже национально-государственное строительство. Когда 40% людей хотят уехать из этого сложившегося национального государства, это значит, что национальное государство создано не для них. Оно создано для кого-то другого. И эти другие могут, конечно, им руководить. Например, господин Воронин в свою бытность президентом прямо говорил в узком кругу, что чем больше уедет, тем легче ему будет руководить.

Вопрос только в том, каким образом это может считаться критерием эффективности национального государства. Конечно, если останется 10 человек, ими руководить проще. И чем больше процент иностранных зарплат в структуре ВВП, тем легче живется той элите, которая присосалась к бюджетному финансированию. Это тоже всем понятно.

Не вижу в этом никакой тайны и не вижу в этом ничего интересного. Сегодня, готовясь к этому Круглому столу, я прочитал статью литовского социолога о том, что 40% литовцев хотят уехать, причем ввозрасте до 30 лет цифры еще большие. Это говорит о том, что литовское государство, конечно, состоялось, но состоялось оно вовсе не для тех, кто хочет уехать. Это первая часть.

Вторая часть – результат этого мы видим на выборах. Когда сплошь национальный 20 лет назад Каунас просто прогнал правых, что называется, поганой метлой. Двух столиц в Литве быть не может. Каунас ныне – город очень сильно депрессивный. И, попросту говоря, люди уже реагируют просто на свою жизнь. Им уже не до идеологии, не до национальных проектов. Они вынуждены каким-то образом выживать.

После этого говорить о том, что Литва – это успешная страна, которая успешно присоединилась к успешному интеграционному проекту, можно только, если не видеть нынешнего Каунаса и даже не видеть нынешнего Паневежиса. Это, что называется, игнорировать то, что реально уже сложилось.

Следующий вопрос. Господин Малашенко говорил насчет времени. Есть фактор времени. Фактор времени, отпущенный Евросоюзу на то, чтобы стать успешным, на мой взгляд, закончился. Это очень важный момент. Сколько времени нужно было Германии и Франции для того, чтобы создать эффективную, в том числе бюрократическую, структуру. Наверное, лет 10-15. Мы сейчас можем вспомнить, что Румынию и Болгарию до сих пор не присоединили к Шенгену. Мы можем вспомнить еще очень многие интересные вещи внутри Евросоюза. И мы понимаем, почему Великобритания попросилась вон. Она попросилась вон, потому что эта структура интеграционная, успешная, созданная из успешных стран, оказалась в значительной степени неэффективной. Она оказалась непонятной и контрэффективной для одной из самых успешных и в смысле экономики, и в смысле финансов стран.

То же самое происходит и у нас. Успешность всегда совпадает с фактором времени. А сколько времени нужно было Саакашвили, чтобы доказать, что он успешен. А сколько времени нужно было Эстонии, чтобы теперь понять, что русских все-таки нужно интегрировать, а не нужно их выгонять. Сейчас, когда в правительство вошла партия Центра, они начали по-другому смотреть на этот процесс, на который они все время смотрели по-другому.

Вопрос не имеет однозначного решения. Но главное здесь то, что интеграция – это всегда процесс, ориентированный на будущее. И как каждый процесс, ориентированный не на прошлое, а на будущее, он имеет ограниченные временные рамки. Он не может длиться бесконечно, не может длиться 30-летиями, 50-летиями. Хрущев нам рассказывал, что мы будем жить при коммунизме, сам не дожил.

Евросоюз тоже не может обещать всем, что они будут жить при коммунизме. Он обещал, что это приведет к очень резкому росту доходов в новых странах. Он обещал это в Румынии. Он обещал это в Болгарии. И мы получили в Болгарии голосование, которое даже нельзя назвать протестным. Оно (с электоральной точки зрения) вымело ту часть элиты, которая утверждала, что она накрепко связана с Западом.

В политике никто не ждет, а в демократической политике не ждет тем более. Потому что есть вариант проголосовать против. Вариант голосования за Радева или за аграрников в Литве – это не вариант конструктивного голосования за формулу

будущего. Это вариант, который показывает сложившейся местной элите, что ее поведение противоречит интересам большинства населения, и не более того.

В этом смысле интеграция в Европе и интеграция на постсоветском пространстве ничем не отличаются. Потому что интеграция, основанная на гегемонии России, - это абсурд. Россия – не гегемон. Нынешняя Россия не может справиться с функцией гегемона. Она не могла справиться с функцией гегемона в 90-м году, в 95-м, в 2000-м. И сейчас она подавно не претендует на то, чтобы справиться с этой функцией. Она в Украине не смогла справиться с задачей. Какой же это гегемон?! И вообще зачем ей нужна гегемония?!

У меня есть ответ на этот вопрос. Российской элите не нужна гегемония. Она не хочет гегемонии. Она хочет того, чтобы ее региональные интересы учитывали все крупные игроки. Но быть гегемоном на постсоветском пространстве нынешняя российская политическая элита не хотела, не хочет и не захочет в ближайшее время. Хотя бы потому, что, как все правильно говорят, у нее нет на это ресурсов и не будет на это ресурсов. Россия сейчас будет вынуждена выносить интеграционный проект за рамки СНГ.

А СНГ или постсоветское пространство для России уже неинтересно. Она не собирается там ни с кем играть. И если Запад хочет ей помочь в этом, Россия отчасти примет эту помощь. Но играть за Украину с Западом она не будет. Потому что в Украине уже нет российских интересов в каком-то содержательном смысле.

Когда мы говорили два года назад с Андреем Рябовым об этом, мы говорили о том, что Россия является крупнейшим мелким (дробным) инвестором в Украине. В Украине огромное количество небольших российских денег, которые там будут находиться хотя бы потому, что там чуть-чуть свежее и чуть-чуть благоприятней экономический климат. Там было легче мелкому бизнесу, чем в России. Сейчас этого бизнеса практически не осталось. Он выметен жизнью. Вопрос в том, а кто будет возвращаться? А никто не будет возвращаться. Вернуться в это пространство уже нельзя. Его уже нет. Оно уже умерло каким-то образом и больше никогда Россию не заинтересует в таком виде.

Может быть когда-нибудь сложится какая-нибудь новая российская элита, которая будет по-новому смотреть на ситуацию. Но я смотрю на это скептически: не сложится. Нынешняя элита, если и не сохранится в нынешнем виде, будет иметь какое-то продолжение. А ее продолжение говорит о том, что конкурировать с Западом на постсоветском пространстве – для нее совершенно бессмысленное занятие. Лучше она

покажет свою силу где-нибудь в Сирии. И это лучше, потому что будет иметь большее влияние на Запад. Это больше психологически воздействует на западное общественное мнение.

И последний момент, который к этому нужно присоединить, - это то, что консервативная революция или частично консервативная революция, или консервативный поворот, который происходит в наиболее богатых и успешных странах Запада, он изоляционистский, а вовсе не интеграционный. Соединенные Штаты устами Трампа говорят о том, что они не хотят нести ответственность за европейскую интеграцию.

Британия говорит о том же самом. Фийон фактически говорит, пусть в смягченном виде, о том же самом. Все это свидетельствует, что то, что мы говорим о Восточной Европе, - это в значительной степени наше преувеличение. Это частичный взгляд на проблему, которая не имеет своих временных ограничений. Интеграционный проект в Европе начался не в 90-м году и кончится не в 2016-м. Он будет очень длинным. Он будет очень противоречивым и вовсе не обязательно будет в конечном итоге выглядеть так, как сейчас.

А.Ю. Дубнов. Очень коротко. Очень интересное выступление. Сначала Вы, правда, заявили, что постсоветское пространство есть, а закончили тем, что его нет.

В.И. Брутер. Практически - нет, теоретически – есть.

А.Ю. Дубнов. Я не буду придираюсь. Просто я как человек, учившийся в той стране, которой уже нет, помню, что был такой ренегат Бернштейн, которого критиковали большевики. Его заклеили за то, что он сказал, что демократия – это процесс, а не цель.

Я переведу это на интеграцию. Такое впечатление, что Вы считаете, что это цель. А может быть, все-таки это процесс. Он идет и идет себе. И сравнивать нужно интеграцию Евросоюза с интеграцией в СНГ. Вы сказали, что это вполне сравнимо. А потом сказали, что нет никакой интеграции, потому что Россия не способна обеспечить эту интеграцию. Но без России вообще интеграции никакой не может быть.

Но самое главное, что я хочу сказать по первому вопросу. Когда Вы сказали, что есть постсоветское пространство хотя бы по критерию того, что от Владивостока до Карпат все говорят на русском языке.

В.И. Брутер. Я сказал, что понимают. Не сказал, что говорят.

Реплика. Понимают в очень разной степени.

А.Ю. Дубнов. Боюсь, что эта ситуация уже довольно сильно изменилась. Уже не то, что не говорят, уже и не понимают. Поверьте мне. В некоторых пространствах Центральной Азии поколение, которое выросло после того, как это пространство стало постсоветским, оно перестало понимать и русский язык тоже.

Двадцать пять лет. Нет молодежи больше, чем на 30-40%, которая поймет, что вы хотите спросить: как пройти на улицу великого Урицкого...

В.И. Брутер. От Карпат до Владивостока мы минуем все-таки Центральную Азию.

А.Ю. Дубнов. Вы этого не сказали.

В.И. Брутер. Но я думаю, что я не должен этого говорить.

А.Ю. Дубнов. Тогда Вы говорите про Россию.

В.И. Брутер. Почему? Я говорил про Украину еще, где то же самое в культурном смысле, где читают те же книжки.

Реплика. По-чешски можно понимать...

(Многоголосие.)

А.Ю. Дубнов. ...хотя бы в определениях, иначе нас затянет куда-то.

В.И. Брутер. Вообще это был полемический момент. Не знаю, не уверен, что я должен при этом оговариваться насчет стран Центральной Азии. Мне так почему-то не кажется. Если Вы так считаете, то я оговорюсь, что страны Центральной Азии я не имел в виду.

Один мой знакомый, который работал в течение долгого времени заместителем министра образования Республики Молдова, по этому поводу очень любил шутить, что нынешнее поколение молдаван осваивает русский язык с киркой, лопатой в руках. Это такой же момент. Если интеграции нет, она бывает еще и такой. Это тоже очень интересно.

Что касается интеграции, почему нельзя сравнивать. Сравнить можно интеграцию с формальной точки зрения. Любая интеграция с формальной точки зрения является логико-математической задачей.

А что касается интеграции на постсоветском пространстве, то я сказал, что ее не будет, потому что в ней нет интегратора. Это ведь не одно и то же. Когда я говорю, что ее можно сравнивать, это один вопрос. Когда я говорю, что у нее нет перспектив, это, по-моему, вопрос совершенно другой. Я и сейчас так считаю, что перспектив у интеграции в рамках СНГ или в рамках постсоветского политического пространства нет, не было и не будет.

Реплика... *(не в микрофон, не слышно).*

В.И. Брутер. Я думаю, что это отдельный вопрос, я на него сейчас не хотел отвечать. Я не отвечаю: ни да, ни нет. Я просто не хотел на него отвечать. У меня сначала был записан пункт о том, чтобы высказаться на эту тему. Потом я его вычеркнул.

А.А. Улунян. Мне кажется, в следующий раз надо будет организовать немножко по-другому. Есть импульсивный доклад, доклад импульсов. Вероятно, следовало бы предложить несколько таких «соимпульсных» докладов. Это было бы довольно любопытно. Кстати сказать, это была бы хорошая практика. И обратите внимание, как все сразу оживились, особенно некоторые, включая меня, когда появилась возможность содокладов.

Два пояснения. Я не буду расшифровывать то, что сказал господин Дубнов. Если поедете в Ферганскую долину, там будут очень большие проблемы с русским языком. А на севере Таджикистана, мне кажется, также. А теперь детали. Говорилось о том, что Черногория в силу своей значимости или незначимости оказалась в центре внимания. Какое же она имеет значение? В действительности Черногория имеет принципиальное значение. Она имеет историческое значение уже с XIX века, почему за нее держалась царская Россия. Она расположена очень хорошо и выгодно. Если иметь в виду географию, то фактически сейчас есть возможность для Североатлантического альянса покрыть все Средиземноморье. Это имеет стратегическое значение для Североатлантического альянса в оборонных целях. Хорошо-плохо – я не буду касаться. Но она имеет стратегическое значение.

Теперь что касается Болгарии и выборов в Болгарии. Вообще, коллеги, когда мы оцениваем какие-то события, есть два метода оценки. Первое – что нам хочется. А второе – так, как оно есть на самом деле. Это классика. Выборы были и в Молдове, и в Болгарии. Каким-то странным образом (я на это обратил внимание по информации в СМИ, наверное, все присутствующие также обратили на это внимание), что оценка данных событий была совмещена, и, более того, проявился какой-то совершенно непонятный восторг тех, кто хотел, чтобы пришли те силы, за которые они сами выступали.

Докладываю. Для меня Молдова, Болгария, вообще Балканский полуостров не чужд уже более 30-ти с чем-то лет, как, впрочем, и Центральная Азия, тоже по ряду некоторых обстоятельств. В Болгарии пришла к власти не просто БСП. И господин Радев – отнюдь не тот человек, который будет бросать все и очень близко

сотрудничать с Москвой. Было его интервью, в котором он заявил: я единственный генерал военно-воздушных сил из бывшей Восточной Европы, который закончил военно-воздушную академию в Соединенных Штатах Америки. И, более того, считаю, что пребывание Болгарии в составе НАТО является необходимым условием ее существования.

Теперь, что касается господина Додона, который пришел к власти и сказал, что Молдова тут же порвет все отношения с Европой и т.д. По этому поводу было недавно его интервью на государственном языке этой страны. Я специально избегаю название языка, потому что здесь сейчас может начаться дискуссия о названии языка. Кстати сказать, гимн Молдовы тоже, как вы знаете, имеет свое название – «Limba noastră», то есть «Наш язык», без уточнения его названия. Вернёмся к сказанному Додоном. Он заявил о том, что я, конечно, был бы готов всё это сделать, но не все в моей власти. Есть еще парламент, который, соответственно, не будет ничего решать в том смысле, как обещал Додон.

Такова ситуация в этих двух странах.

И еще третий вопрос, который Вы коснулись. Очень коротко. Вопрос об интеграции, которую мы сейчас обсуждаем. Речь идет об интеграции чего и с кем? Потому что мы все время сейчас обсуждаем: интегрируется что – пространства, экономики, люди, технологии? Когда интегрировалась, помните, Европа, там было ядро угля и стали. А у нас в данном случае? Камыша и чего? Или стали и угля, или чего-то ещё? Или это просто кто-то хочет получить монополию на производство чего-то и что-то закрывать?

Проблема интеграции на постсоветском пространстве заключается в конкретном вопросе: что с чем интегрировать? Я уже много лет в силу ряда обстоятельств занимаюсь межнаучным обменом. Кстати сказать, в науке можно еще что-то интегрировать. А в хозяйстве, в чем-то можно интегрировать? Особенно, имея в виду общественно-политические системы, которые существуют на постсоветском пространстве. Они очень разные, несмотря на то, что часть из них называются авторитарными и т.д. и близкими друг другу. Можно ли ставить вообще вопрос об интеграции на постсоветском пространстве?

Спасибо.

А.В. Гуцин. Я как раз хотел сказать, даже записал, про язык. Я не совсем согласен с тем, что язык является скрепляющим звеном, о чем в принципе уже было

сказано. Потому что, на мой взгляд, как Вы сказали, что Центральную Азию мы здесь не берем. Но тогда это уже не совсем постсоветское пространство.

Реплика (не слышно, не в микрофон)...

А.В. Гуцин. Там тоже проблемы, да. Поэтому там с русским языком... А так в принципе коллеги уже сказали то, что я хотел отметить.

А.В. Рябов. Коллеги, я не буду делать подробного заключения по этой части дискуссии. Но все-таки были высказаны некоторые идеи, на которых стоит остановиться.

По поводу ключевого вопроса о том, существует ли сегодня постсоветское пространство или нет. Я насчитал, по крайней мере, шесть разных подходов, где-то схожих, где-то диаметрально противоположных.

В.И. Мироненко. Есть еще седьмой...

А.В. Рябов. Возможно, что на самом деле отражает нынешний уровень нашего понимания этих процессов. И проблема не только и не столько в терминологии. Нет доминирующей точки зрения.

Что касается интеграции, то здесь все-таки превалировал, хотя и не вытеснил все остальное, один подход, одна интерпретация, что это вынужденная интеграция «постольку-поскольку». На мой взгляд, она очень близко коррелирует с точкой зрения, высказанной Андреем Девятковым, что постсоветское пространство по существу это постимперское пространство. И новые независимые страны были бы рады отдалиться от бывшей метрополии, но в силу определенных причин не могут этого сделать. И подчас вынуждены, как Вы говорили (я уже обращаюсь к Ивану) о том, действовать по принципу: потребовался кредит – вот вам интеграция. Как подобная «интеграция» работает? Получили деньги, потратили их, и забыли обо всех интеграционных обещаниях.

Но в то же время все это указывает на то, что в сегодняшнем дискурсе интеграцию на постсоветском пространстве нужно воспринимать, скорее всего, многомерно, и для этого четко представлять, что интегрируется: государства, властные элиты, национальные экономики. Так, любой экономист, специалист по ЕАЭС скажет, что это сугубо экономический проект. Здесь интегрируются экономики, и нет никакой политики. По крайней мере, основополагающие документы ЕАЭС содержат именно такую интерпретацию.

По третьей теме – национально-государственное строительство. Хорошо, что мы пришли к консенсусу: оно не завершено – это раз. Второе – безусловно, что одним из

факторов незавершенности выступают межгосударственные и этнополитические конфликты – как замороженные, так и латентные, которые не проявились, но могут проявиться в любой момент. Существует значительная роль внешних факторов, которые могут эти конфликты подтолкнуть к переходу в открытую фазу. И не только по чьему-то злему умыслу, а просто в силу некоего неблагоприятного стечения обстоятельств.

И, как мне кажется, тем самым мы стали выходить на проблему критериев завершенности/незавершенности национально-государственного строительства. Самый главный критерий незавершенности, который прозвучал здесь, - неурегулированность проблемы границ. Второй, который Влад сформулировал, касается эмиграции, от которой, как выясняется зависит устойчивость многих государств.

Я думаю, что сказанное о господине Воронине – яркое тому подтверждение. Наверное, господин Рахмон тоже мог что-то подобное повторить вполне, чем меньше вас тут, тем легче вас править.

Реплика. Нет, там немножко по-другому.

Реплика. Покойный Каримов.

А.В. Рябов. Хорошо, обсудим это попозже. На самом деле для большинства постсоветских стран – я просто этот тезис сформулирую – есть проблема перехода власти. Это очень важно для всех-всех переходных политических систем - транзит власти. Поскольку на постсоветском пространстве есть проблемы с демократией, о чем сегодня говорилось, переход власти здесь представляется особо сложным процессом. Нет никаких твердых правил игры, существуют серьезные угрозы потери стабильности.

Отдельно я бы зафиксировал точку зрения Влада по поводу России, ее заинтересованности в интеграции постсоветского пространства. Точка зрения, которая вызвала бурную реакцию, бурные споры. И мы ее тоже зафиксируем.

Пожалуй, наверное, все. Возможно, я упустил какие-то детали. Но, мне кажется, главные идеи были мною перечислены.

Теперь по поводу нашей дальнейшей работы. Я признаю свою ошибку. Виктор Иванович оказался прав по поводу того, что все поставленные в программе вопросы в ходе дискуссии переплелись. На мой взгляд, это произошло совершенно естественно, здесь не было никакого ухода куда-то в другие сюжеты.

Поэтому есть такое предложение. Сейчас мы сделаем перерыв. Потом проведем не три сессии, как было намечено, а две. Может быть, вторая сессия поэтому окажется

подлиннее, чем была первая. Сначала Артем Акопович будет говорить о различных проектах конструирования постсоветского пространства, но, насколько я понимаю, под другим углом, и его презентация будет сопровождаться картинками.

Третью, последнюю тему о внутривосточном развитии постсоветских государств я с вашего позволения завершу небольшой провокацией, чтобы концовка у нас прошла не вяло, а достаточно живенько.

После перерыва

А.В. Рябов. Продолжаем вторую, финальную сессию. Она, видимо, будет подлиннее, поскольку у нас здесь два доклада.

Я думаю, мы построим работу таким образом. Сейчас послушаем доклад Улуныяна, потом вопросы на уточнение, как мы это делали на первой сессии. Потом заслушаем второй доклад и его обсудим.

А.А. Улуныян. Все мы знаем, что основополагающими элементами координат являются время и пространство. Сегодня мы уже говорили в определенной степени о времени. Много говорили даже о пространстве. Но мне бы хотелось сделать некоторое уточнение.

Прежде всего, хотел бы привести две цитаты. В них содержится ряд определений, с которыми мы можем соглашаться или не соглашаться, но они важны сами по себе.

Первая из них – это известная цитата из Андрея Амальрика. Книга-эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» была написана в 69-м году по следам советско-китайского конфликта, опубликована в 70-м году. Он, в частности, писал: «Я не сомневаюсь, что это великая восточнославянская империя (речь, конечно же, шла о Советском Союзе и пространстве Советского Союза – Ар. У.), созданная германцами, византийцами и монголами вступила в последнее десятилетие своего существования. Как принятие христианства отсрочила гибель Римской империи, но не спасло ее от неизбежного конца, так и марксистская доктрина задержала распад Российской империи - Третьего Рима, - но не в силах отворотить его».

Это публикация 70-го года. Представьте себе, мы сейчас обсуждаем то, что некоторые предполагали уже на много лет до этого.

Вторая цитата для нас даже более важна. Именно этот человек – Альгимантас Празиускас, востоковед, известный литовский специалист, опубликовал в 92-м году в старой «Независимой газете» эссе – «СНГ как постколониальное пространство», в

котором он впервые в нашей историографии использовал то выражение, которое мы часто сейчас используем – «постсоветское пространство».

Он отмечал: «В бывших советских республиках ситуация усугубляется тем, что вследствие краха "социалистической" модели, в условиях катастрофического экономического спада развитие эволюционным путем практически исключено. Освободившиеся афро-азиатские страны, во всяком случае те, которые избежали соблазна так называемой социалистической ориентации, с определенными коррективами могли использовать в качестве модели политическую и в меньшей мере экономическую систему метрополии. Постсоветское пространство такого ориентира не имеет, а возможности применения восточноевропейского опыта, или поиска "третьего пути", к которому явно склоняются среднеазиатские государства, по меньшей мере сомнительны. Будет историческим чудом, если какая-либо из бывших советских республик сможет одновременно решить три труднейшие задачи - осуществить смену политической и экономической системы и преодолеть экономический кризис, избежав при этом серьезных социально-политических потрясений и нестабильности».

Я специально привел эти две цитаты, чтобы нам договориться о терминах: прежде всего и о том, как так или иначе пространство связано с политикой.

Вообще я бы хотел обратить внимание на такой интересный аспект того, что мы сейчас обсуждаем. Мы говорим о некоем пространстве, которое существует. Но не все совсем так просто. Именно с 1991 года речь о пространстве начали вести совершенно в других категориях – то, что мы называем «новая политическая география».

Речь идет ни больше ни меньше о том, что после 91-го года стояла главная проблема перед новыми государствами, а именно об определении своего места в системе тех координат, которое называется «постсоветское пространство».

Что стало основным в этом процессе? Для тех, кто занимается историей, данный процесс очевиден. Для политологов большей частью (представлена, конечно, и наша аудитория) это выглядит несколько фантастично, так как мы говорим о том, как в общественном дискурсе, в академическом дискурсе и даже на уровне, скажем так, властных элит стало появляться совершенно новое явление, а именно геопропространственное проектное сознание. Речь шла о некоем проекте. Вообще само понятие «проектного сознания» сейчас достаточно распространено и не требует никаких особых обсуждений или доказательств. Но именно в контексте проблемы позиционирования государств этот вопрос стал достаточно актуальным.

В данной связи мне хотелось бы обратить внимание, предварив свое краткое выступление, одной картинкой. Вы здесь видите довольно странное явление. Я специально взял этот образ из самого общедоступного источника – из Википедии, где само название слайда – «Сочетание несочетаемого?», на котором дается группа постсоветских государств и их соотнесение с конкретным регионом – Россия, Прибалтика, Восточная Европа, Закавказье и Центральная Азия.

Этот слайд называется «Сочетание несочетаемого?». И это неспроста, а отражает наше представление о тех географических регионах, которые входили в состав Советского Союза и сейчас так или иначе представлены на постсоветском пространстве.

Удивительная ситуация. С одной стороны, здесь присутствует Центральная Азия, которая никогда не существовала у нас, как известно, в таком виде, как она существует сейчас. Была Средняя Азия и Казахстан в силу экономического районирования - объединение четырех республик в одну Среднюю Азию и выделение пятой – Казахстана – как отдельного экономического конгломерата.

Никогда Молдова, Беларусь и Украина не входили в Восточную Европу. Но здесь она присутствует. Но в то же время здесь присутствуют понятия Прибалтика и Закавказье. Это то, что нам досталось из советского прошлого.

Таким образом, наше представление о географии, о районах, входящих в постсоветское пространство или из которых оно состоит, весьма противоречиво. Именно эту цель я преследовал, показывая данный слайд.

Иными словами, речь идет о попытках идентификации конкретных регионов, которые составляют это пространство. Я постарался определить их. И думаю, вы с этим согласитесь. За исключением Восточного, который я не собираюсь рассматривать, потому что он относится все-таки к тому, что так или иначе связано с Россией и большей частью это все, что находится за Уралом.

Обратимся к Западному, Южно-Центральному и Юго-Западному районам. Это так называемые постсоветские геопространственные массивы, включающие большую конгломерацию соответствующих государств и народов.

Что произошло именно с точки зрения концептуализации этого пространства? Именно в этих странах, именно в этих регионах? Речь идет о совершенно необычном и в то же время очень распространенном явлении даже за пределами бывшего Советского Союза, когда так или иначе актуализируются бывшие геопространственные ретроконцепты. То есть существовавшие ранее государства, империи, объединения

актуализируются с целью так или иначе обусловить существование нынешнего конкретного государства именно в данном регионе, это во-первых. А во-вторых, определить характер возможных его связей именно в контексте этих ретроконцептов.

Первый и наиболее интересный для нас – Балтия. Хотя Андрей Виленович просил не затрагивать её, все-таки я позволю себе коснуться её, потому что это тоже довольно интересное явление. В современном академическом, прежде всего и в какой-то степени экспертном дискурсе существует весьма конкретное представление об этом постсоветском регионе как некоем целом.

Речь идет ни больше ни меньше о концепции 1928 года, предложенной шведским ученым Стенном де Гиром, который, исходя из географических особенностей региона и связей его со Скандинавией, обрисовал картину единого массива Балтоскандии, куда вошли три независимых государства после 1919 года. Речь идет об Эстонской республике, Литовской республике и Республике Латвии, а также двух других государствах – Швеции, соответственно, и Финляндии, которые выделялись в некий геопространственный проект, имевший экономическую, военную, социальную, политическую и культурно-историческую общность, по его мнению.

В 1930 году, так или иначе, но именно в Литве эта концепция получила достаточно широкое распространение в академической среде и её известным сторонником являлся Казис Пакштас. Если вы возьмете сейчас публикации на литовском, латышском и даже частично на эстонском языках, то обратите внимание, что данная идея продолжает существовать. Она как бы пытается объединить то пространство, о котором говорил Андрей Виленович, - едино ли постсоветское пространство или нет, - в новую, совершенно новую структуру.

Речь идет ни больше ни меньше об объединении с Северной Европой и необходимости доказать, что полуостровная Северная Европа так или иначе связана с континентальной частью. Иными словами, как бы поддерживая государства Балтии именно на уровне этих Скандинавских стран во всех отношениях. Но прежде всего, ставится и задача извлечь определенную экономическую выгоду из всего этого.

Второй проект, который имеет также довольно древнюю традицию и часто сейчас обсуждается, кстати сказать, в белорусской прессе и, конечно же, в литовской. Речь идет о возрождении так называемого объединения Великого княжества Литовского (ВКЛ). Речь не идет об уничтожении государственных границ, а именно о создании массива. Массива, который так или иначе был связан с территорией пространства ВКЛ. Можно сказать, что это идея осовременивания некогда единого

государственного образования, но в рамках уже нынешних реалий с сохранением государственных, разумеется, символов, государственных границ и государственной бюрократии.

Но, так или иначе, это свидетельствует о том, что имеется в виду создание нового региона именно на постсоветском пространстве.

Все мы знаем концепцию Междуморья, которая была выдвинута в свое время Пилсудским и ставила задачу фактически создания конфедерации от Балтийского до Черного морей. Эта же концепция сейчас очень активно используется и актуализируется в общественно-политических дискурсах стран, которые имеют вполне конкретное географическое место пребывания, то есть между Балтикой и Черным морем.

Фактически можно сказать о том, что стоит проблема создания нового региона, который мы можем назвать - Балто-Черноморский регион. Известна старая концепция санитарного кордона, которая была политизирована. В данном случае речь идет о выделении со стороны этих государств себя из Восточной Европы, с одной стороны, а с другой стороны – отделении от России. Таким образом, создав нечто общее, целостное в политическом, экономическом и военном смысле, они образуют новый-старый регион.

Разумеется, не надо забывать, что большая часть государств, которые сюда так или иначе должны были бы войти, - это государства, сейчас входящие или в объединенную Европу, и входящие в НАТО.

Но что интересно: концепция Междуморья имела свои трансформации и свои конкретные очертания. Но в данном случае она как бы повторяет ту старую концепцию объединения Балто-Черноморского пространства в единое целое как массива – новое географическое пространство, хотя и со старыми историческими корнями.

Естественно, что сама идея такого объединения вызывает определенные, скажем так, возражения. Я здесь специально привел перевод с польского языка одного интервью известного румынского деятеля. Это бывший премьер-министр. Я не буду его полностью зачитывать, тем более что оно здесь есть на слайде. Интересно понять, насколько не воспринимается подобное конструирование со стороны, скажем так, западной части. То, что, конечно же, в России отношение к этому вполне конкретно негативное, все мы знаем. Но аналогично негативное отношение к созданию новых регионов и на Западе бывшего постсоветского пространства, где имеются государства,

границащие по восточной линии с соответствующими новыми, регионами так называемой новой политической географии.

Речь идет о том, что то или иное государство в силу определенных обстоятельств, еще начиная со времен Пилсудского (речь идет о Польше), могло бы оказаться «магнитом», который притягивает территориально, политически, экономически целый огромный массив, создавая таким образом образ великого государства. Все мы знаем – великая Польша, великая Болгария и т.д.

Именно это рассматривается новыми членами, кстати сказать, Европейского Союза и новыми членами НАТО как опасный прецедент раскола единства.

Реплика. Польское руководство теперешнее?

А.А. Улуян. Да, теперешнее. Вы видите, даже ссылка – 2016-го года. То есть это довольно серьезная вещь. То, что я сейчас показываю, - это не размышления отдельных политиков или любителей географических конструирований, а вполне конкретные проекции. Конечно, речь не идет о создании блоков в чистом виде, а, скажем так, о попытке идеологически обеспечить единство в рамках нового региона. То, о чем мы часто говорим. Что же произошло? Дисперсия регионов, появились новые регионы? Да, появились новые регионы. Но они выглядят вот так.

Эта концепция так или иначе связана с экономической частью. В украинской современной публицистике, кстати сказать, даже не столько современной, сколько 30-40-х годов, эмигрантской данный вопрос серьезно обсуждался. Сейчас это появилось вновь, актуализировалось и носит название Балто-Черноморской оси или Балто-Черноморского коридора развития.

Вы уже видите по самому очертанию, что это так или иначе повторяет те исторические границы, которые были присущи как Великому княжеству Литовскому, так и тому объединению, которое называлось «Междуморье».

Кстати сказать, хочу напомнить, что в 1911 году в России существовал проект «Объединение Балтийского и Черного морей». Уже были подготовлены даже сметные документации. И только 1914 год остановил развитие этого проекта. Как видите, все проектирование, конструирование регионов имеет вполне конкретную историческую основу. Это не просто создание выгодных экономических или политических регионов, которые образуются в угоду конкретным политическим силам или руководству каких-либо стран.

Здесь я хотел бы обратить внимание на один факт, который, наверное, Вам как экономистам известен. У нас здесь присутствуют не только экономисты, но и

политологи. А именно: формирование подобных регионов так или иначе связано, как правило, с транспортными «хабами» и артериями– коридорами.

И если вы обратите внимание на картинку, то увидите: насыщенность этих транспортных артерий полностью совпадает (просто по линии) с Балто-Черноморским регионом. Речь идет о создании региона, который будет контролировать серьезнейшим образом транзит между Западом и Востоком.

Идея 90-х годов о транзитных регионах сейчас приобрела новую силу. И это географическое конструирование постсоветского пространства носит не столько абстрактный идеологический, как я уже говорил, или политический смысл, но еще вполне конкретно экономический, имеющий под собой конкретную экономическую подоплеку.

Если мы опустимся ниже, уйдем немножко восточнее, это условный южно-центральный регион. Речь идет о создании тоже определенного проекта. Еще в 1992 году руководитель, ныне покойный, Узбекистана Ислам Каримов выдвинул идею «Туркестана нашего дома». Против этой концепции, разумеется, выступили в Таджикистане по вполне понятным причинам. Потому что объединение тюркоязычных народов не совсем бы соответствовало интересам фарсыязычного народа таджиков по многим причинам.

С определенной долей скептицизма к этому отнеслись и в Казахстане, имея в виду противоречий между бывшим президентом Узбекистана и нынешним президентом Казахстана, так как шла борьба за лидерство в Центральной Азии.

Но сама идея создания так называемого Буйюк Тюркестон – Большого Туркестана, включая и его восточную часть – Восточный Туркестан, той части, которая находится в Уйгуристане или в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, включая помимо всего прочего все тюркоязычные регионы, имеет давнюю историю. Это такой идеологический, политический большой Туркестан, которым часто пугали как пантюркизмом, идеология которого так или иначе направлена на создание клина, способного рассечь целое геопространство регионов. В то же время этот проект имеет вполне конкретное не только политическое, но и экономическое содержание.

Если вы обратите внимание, что включается в этот проект, а именно в новый регион большого политического Туркестана, то сразу заметите: ресурсообразующей частью его является Восточная и Центральная части, начиная от Якутии, кончая Центральной Азией. Практически это самообеспечиваемое пространственное

региональное объединение, способное в определенных условиях выступить конкурентом всему тому, что закрашено здесь белым цветом.

Разумеется, это идеалистическая модель. И попытка, например, создания обще-центрально-азиатского объединения, как известно, провалилась в 2005 году в силу того, что даже на основах тюркоязычной взаимности, в силу явных противоречий, нельзя автоматически объединить народы и страны. Речь шла о создании собственной модели, как они говорят, культурно-исторического, языкового единства, но имеющего вполне серьезную экономическую основу.

Реплика. Что там было в районе...закрашено (*на карте - прим. ред*)? К юго-западу ...Финляндии?

А.А. Улунян. Речь идет, наверное, о расселении татар. Точно так же, как в Литве, например, там своя история.

Здесь речь идет, конечно, о такой идеалистической модели. А эта модель куда более серьезная, и над ней достаточно серьезно работали в Центральной Азии. Прежде всего, конечно, речь идет о том, что было влияние зарубежного фактора. Прежде всего Турции. Поэтому актуализировалась идея геополитического Туркестана.

Фактически постсоветское пространство оказалось разорвано. Если на Западе это будет Великое княжество Литовское, Балтоскандия, Междуморье, Балто-Черноморская Ось, то следующий проект носит такой стыковочный характер, идет в стык к тому, что идет с западной части и объединяет практически всю Центральную Азию, часть Афганистана, не говоря уже о Китае, и части Волжского бассейна России, где проживает тюркоязычное население.

Если вы обратили внимание, границы – крупные такие черточки – это, скорее, реальность. То, что обозначено мелкими точками, где вопрос стоял о тюркоязычных народах, - это уже некие представления.

Реплика. И Алтай.

А.А. Улунян. И Алтай. Это такой более идеологизированный процесс. Это еще один такой же довольно любопытный проект, который ставил своей задачей именно политическое единство и рассечение постсоветского пространства по принципу тюркоязычности.

Как все мы знаем, Туран включает не только тюркоязычные народы, но и финоугорские. Туда же включаются иногда и корейцы, и японцы. Это довольно сложная конструкция. Но в данном случае она носит, разумеется, исключительно тюркоязычный характер имея в виду проживающее там население и представляет

собой довольно любопытную картину с точки зрения попытки объединения Центрального и Южно-Центрального пространства.

Если вы посмотрите на те же транспортные коридоры, то обратите внимание, что, прежде всего, именно в Центральной Азии концентрируется ядро всех путей. Фактически это является транспортным хабом. Здесь и ресурсы, здесь и транспорт, сетевые дороги. И речь идет практически о создании серьезного Центрально-Азиатского региона, способного выступить в определенной степени конкурентом других регионов.

Это конструирование, как видите, базируется тоже на вполне конкретной картине мира, а не просто на каких-то фантазиях или представлениях о том, кто кому является родственником в семье тюркоязычных народов.

В противовес этому появилась другая концепция, которая была выдвинута Ираном. Кто-то уже говорил о том, что существуют определенные противоречия между Ираном и Турцией. Речь шла о конструировании нового региона, но, конечно же, в интересах прежде всего Ирана, включая бывшую территорию Советского Союза или постсоветское пространство.

На повестке дня был поставлен вопрос признания исторического факта или, скажем так, существования большого Ирана, или Ирон-и бозорг, который включает так называемый Ирон замин или иранские земли. Если речь идет об исторической действительности, да, такое было. Но надо иметь в виду еще культурно-историческое значение Ирана для Центральной Азии.

Этот проект выступил своего рода контрпроектом объединения тюркоязычных народов. Фактически в данной конфигурации Иран выступал при поддержке нынешнего Таджикистана, очень активной – с концепцией арийских народов, то есть индоиранской языковой группы народов. Речь шла об объединении в рамках единого пространства фарсыязычных народов.

Эта концепция имеет вполне конкретно выраженную экономическую составляющую. Появление в ней Туркменистана здесь тоже неспроста. Как мы все знаем, даже Махтумкули – известный туркменский поэт, похоронен, как известно, не в Туркменистане, а в том же Иране. Речь шла о создании иранского ядра, способного так или иначе создать свою реальность на постсоветском пространстве.

Я обратился специально к этой части конструирования, когда мы с вами говорим о Закавказье, Предкавказье или Южном Кавказье. Потому что для нас, конечно, государства, находящиеся за Кавказским хребтом, - это Закавказье. Но если мы будем

смотреть с вами объективно на географию, то взгляд из России не совсем соответствует географической объективности. Мы с таким же успехом можем являться для этих народов тем же Закавказьем, потому что находимся за Кавказским хребтом.

Почему я обратился к этой теме? Сейчас достаточно активно ставится вопрос об объединении Каспийского и Черного морей. Речь идет, конечно, об экономических путях, о проходах и т.д. Фактически данный регион может превратиться в отдельный Кавказский регион. Довольно популярны здесь всевозможные идеи, выдвигаемые как в Грузии, так и в Азербайджане при поддержке Турции, - о создании определенных экономических путей, сообщения, хабов и т.д.

На данный момент можно сказать о том, что это еще раз говорит не о единстве постсоветского пространства, а об очень серьезной парцеллизации. Практически все государства, находящиеся в этих пространствах, выступают за его отделение от постсоветского пространства, создание некоего собственного ядра, вокруг которого и будет наращиваться все остальное. Не выступая в целом против всего пространства, они хотят перетянуть так или иначе одеяло на себя с тем, чтобы доказать, что именно они являются центром при определенной поддержке соседних государств.

Я хотел бы обратить ваше внимание на эту странную картинку. Поскольку в политологии при обсуждении современных процессов не принято обращаться к прошлому, тем более что аналогия не есть суть доказательства.

Но мне хотелось бы обратить внимание на эту картинку по одной простой причине. Прежде всего, потому что именно здесь можно увидеть те пути, те маршруты, которые существовали. Если мы наложим (я не буду крутить обратно все картинки, которые показывал) одно на другое, речь идет о нынешних проектах и о том, что было в далеком прошлом, то обратим внимание на ярко выраженные совпадения: совпадения концентрации маршрутов, хабов с тем, что сейчас предлагается. Это тот же «Шелковый путь» (и как известно, он был не один, а их было несколько, тут и разные картинки), где так или иначе тоже сжимается пространство, именно граничащее, скажем, в южной части с постсоветским пространством или проходящее через его южную часть. Здесь те же транспортные коридоры.

Заключая это выступление, хотел бы сказать, к чему призвать и чем заключить, и, как Вы говорили, в чем суть? Фактически можно сейчас сказать о том, что все те проекты, которые предлагаются на исторической основе так или иначе, направлены лишь на одно – на выделение регионов из состава постсоветского пространства – во-

первых. И, во-вторых, на необходимость превращения их в центральные регионы транзита.

Поэтому все обсуждения об интеграции постсоветского пространства, мне кажется, не совсем были бы верны без учета этих идей, пока, может быть, не реализованных, потому что реализация этих конкретных проектов не предусматривает реализацию проекта интеграции постсоветского пространства в целом.

Спасибо.

А.В. Рябов. Коллеги, теперь я думаю, что наверняка возникли вопросы к автору столь необычного по постановке темы доклада. И комментарии наверняка возникли. Но сначала вопросы на уточнение. Если таковых не будет, то, пожалуйста...

О.А. Воркунова. У меня вопрос не по картинкам, а просто дополнительный. Вам встречались работы Майкла Эмерсона? Потому что у него существует это интеграционное конструирование.

А.А. Улунян. Коротко. Да, встречались. Но вообще-то все это началось намного раньше – еще в 90-е годы. И, кстати сказать, не применительно к постсоветскому пространству, а к совсем другим регионам – Большому Ближнему или Среднему Востоку. Потом все, что связано как раз с Западными Балканами и Юго-Восточной Европой. Здесь, скорее, это калька с тех проектов, которые тогда выдвигались. И в частности, в публикации Ральфа Петерса «Blood Borders», опубликованной в «Armed Forces Journal» в июне 2006 г. Она была расценена во многих странах как скандальная, так как в ней ставился вопрос о том, что закончилась холодная война и нужно менять границы. Это некое повторение процесса «ожидания изменений границ».

А.В. Гушин. Спасибо большое за интересный доклад. Вы хорошо и подробно развили тему влияния внешних игроков, акторов на постсоветское пространство, в том числе Ирана. Но я немножко верну разговор к современности. У меня такой вопрос, может быть, даже потом в обсуждении как-то это обсудим тоже.

В контексте того, о чем Вы говорили, роль Туркестана в Центральной Азии как транзита. Это первый аспект. И второй аспект, мне кажется, это связано с той проблематикой, которая обсуждается в российско-китайских отношениях в контексте сопряжения, о чем мы часто говорим, Евразийского Союза и Пояса развития Шелкового пути и вообще в контексте ситуаций Центральной Азии.

Как на Ваш взгляд, здесь действительно есть какие-то точки пересечения с позиции возможного сопряжения и создания не только транзитной инфраструктуры, но и нового импульса развития самого этого региона со взаимными усилиями Китая и

России, и Евразийского Союза. Либо это наш фантом? И все-таки надо понимать, что Китай больше заинтересован, скорее, не в инфраструктурном развитии как таковом, а именно сугубо в обеспечении транзита своих товаров.

А у нас многие эксперты пишут как раз, понятно, имея в виду нашу позицию, что нужен не транзит, а развитие. Нет ли здесь противоречий в этом плане в отношении будущего развития Центральной Азии?

А.А. Улуян. Тот проект, о котором я говорил, даже, точнее, два проекта – это иранская версия и тюркоязычная версия. Они, конечно, не предполагают активного участия двух государств. Первого – это России, и второго – это Китая. Речь идет о выделении ядра, поскольку в силу определенных обстоятельств они хотели бы превратиться в это ядро. Они готовы использовать Россию и Китай, но ни в коей мере не являться частью, скажем так, их геоструктурных или геопространственных проектов. И речь идет исключительно не просто о транзите – о создании собственной самодостаточной структуры, и экономической, и политической даже, об этом речь идет, которая превратится в некий центр силы.

Здесь надо иметь это в виду, так как, конечно, не предусматривают тех иллюзий, которые распространяются у нас на сей счет.

А.В. Малашенко. У меня такой вопрос. Там, где речь идет о тюркском проекте – так его назовем, там хотя бы вскользь где-нибудь упоминается понятие Евразия, или его вообще нет?

А.А. Улуян. Вопрос хороший и хитрый. Есть две точки зрения на Евразию. Первая – это российская, хотя и она тоже не едина. И есть казахстанская. Казахстанская существенно отличается от российской, как Вы знаете, поскольку Вы этим занимаетесь. И она, конечно же, не предусматривает того, что говорят в России, о том, что Россия – центр Евразии. Есть и евразийская действительность. Потому что именно Казахстан, где, кстати сказать, начали проявляться очень сильные тюркские идеи, определенное время выступал со своей версией евразийста. Что касается Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана, то, конечно, ни о каком евразийстве не может быть речи. Более того, Туркменистан – это вообще особая статья. А Кыргызстан, например, и Узбекистан исключают евразийство. Хотя, конечно, сейчас все будут вынуждены в силу определенных обстоятельств так или иначе упоминать о нём.

Р.С. Гринберг. Разрешите мне сделать комментарий. Я, к сожалению, должен вскоре уйти. Вы, Артем Акопович, сами сказали в Вашем интересном сообщении, что

исторические аналогии не являются доказательствами. И, похоже, это действительно так.

Мы сейчас заговорили о евразийской идее. Собственно, сегодня есть очень много таких охотников для реализации этого евразийских идей еще 20-х годов, что мне кажется абсолютной нелепостью.

Мне кажется, что мы живем вообще в такое время, когда каждый хочет использовать другого. И историческая общность, по-моему, в нынешних условиях особого значения не имеет. Все хотят быть частью транспортного коридора, зарабатывать на этом. Похоже, что мы возвращаемся к какой-то эпохе суверенитетов, если вообще не к 30-м годам. Вообще никому не хочется отдавать суверенитет в пользу наднациональных институтов.

Мне кажется, у Вас есть такое противопоставление теперешних проектов на основе какой-то общности, противопоставление с каким-то интеграционным проектом. Мне кажется, об интеграции на постсоветском пространстве вообще можно забыть. Это слово абсолютно неидентифицируемо сегодня. Потому что мы понимаем какую-то идеально типическую интеграцию Европейского Союза с зоной свободной торговли, Таможенным союзом, Валютным союзом. Но мне кажется, в нашем случае никаких шансов на это нет. Я уж не говорю о том, что есть такое проклятье размеров. Вообще интеграции может и не быть, даже если есть очень доброе намерение у всех участников. Когда на Россию приходится 85% всего и вся, то это делает интеграцию невозможной. Я даже думаю, что было бы в Германии или во Франции в 57-м году, если бы в европейском проекте появилась бы какая-то супервеликая страна, то невозможно было бы представить реализацию этого проекта. Нет пространства для компромиссов, для сговора.

Мы можем обращаться к прошлому. Но мне кажется, что это несколько искусственная схема. Но я не представляю себе, как она может быть реализована сегодня. Скажем, эта общность персидская, там, где Иран – главный. Кто бы мог согласиться быть у него младшим партнером?

Я на этом хотел бы закончить.

В.П. Жарков. Но Вы, мне кажется, нарочито упустили (здесь я согласен во многом с предыдущим комментарием) позицию того, что мы можем назвать Great Powers в этой истории. Западные союзники игнорируют любые конструкции, касающиеся Восточной Европы.

Очевидно, что Концепция Нового шелкового пути - это все-таки Концепция Китая. Сейчас нет центрально-азиатских стран, которые не были бы затронуты этим проектом. Кстати говоря, и Южный Кавказ уже достаточно активно участвует в нем. И в этой связи у меня и вопрос, и комментарий. А есть ли силы у стран, о которых Вы говорили? По-моему, это вопрос риторический. Вы выделили восточноевропейский, условно, польский проект, Вы выделили два центрально-азиатских, один основан на турецкой идентичности, другой основан на иранской идентичности. Но дело в том, что ни одна из этих трех стран не является Super Power, даже близко.

В этой связи у меня вопрос из другой перспективы: насколько это реализуемо, если ни одна Super Power здесь не присутствует и ей это, в общем, даже как-то неинтересно получается.

А.А. Улуян. Но я хочу с самого начала сказать, что реализация этих проектов не может происходить в течение одного-двух лет. Все они долговременные. Те, кто их выдвигает, исходит из одной простой величины – проблемы времени. Если есть возможность это выдвинуть и если есть силы, которые поддержат те государства, которые могут войти в этот состав, то такая идея продвигается. Если речь идет, скажем так, о западной части, то не далее как в 2015 году было большое количество публикаций, и на довольно серьезном уровне это обсуждалось. В частности, по геопроекту возобновления, скажем так, Великого княжества Литовского, но не в том смысле, чтобы его реанимировать, конечно, они называют это «новой Речью Посполитой», поскольку Великое княжество Литовское – чуть-чуть другое все-таки.

Что касается тюркского проекта, то есть тюркоязычных народов, то это весьма актуально. Не знаю, знают ли или нет, но большинство, наверное, знают, что действуют даже некие структуры в рамках этого проекта. Нельзя забывать, что культурно-историческое единство может при определенных обстоятельствах реализовываться и в политических проектах.

А то, что Вы говорите – великие державы, если Вы имеете в виду Китайскую Народную Республику – конечно же, она выступает против. Если Вы имеете в виду Российскую Федерацию, то, конечно, радости мало кто испытывает на уровне лиц, принимающих решение в России по поводу упомянутых проектов. Но есть и другие государства, которые ставят задачу, скажем так, обеспечения безопасности и стабильности в конкретных регионах. Например, как это может показать довольно странно, но за фарсоязычным проектом просматривались определенные черты некоторых сил Еврoатлантического сообщества.

В.П. Жарков. Вы имеете в виду Соединенные Штаты?

А.А. Улунян. Нет. Необязательно Соединенные Штаты. Евроатлантическое сообщество – более такое мощное явление. Помимо Соединенных Штатов там есть Великобритания, есть много кто.

Почему? Объясню: очень простая вещь. В это фарсыязычное сообщество включаются Белуджи, например, часть Афганистана. Исходят из чего? Получится – не получится. Это необязательно, что должно получиться. Это идейно-культурное направление в 90-е годы пользовалось очень большой популярностью в Таджикистане. Потом замерло на какое-то время. Сейчас, конечно, они не в радости оттого, что будет большое присутствие Ирана и т.д. Но тем не менее, они говорят, что в этом что-то есть. В частности, и небезызвестный Туркменбаши, как мы знаем, договаривался с талибами, чтобы ни больше ни меньше проходила газопроводная ветка через Афганистан в Пакистан и чуть ли не до Индии, а Индия с Пакистаном в плохих отношениях. Но наличие газа как-то меняло характер взаимоотношений между государствами.

Поэтому я не исключаю такой возможности, что если есть возможность что-то продвинуть через эти регионы, то будет использована любая идея – и фарсыязычных народов, и тюркоязычных народов, каких угодно, включая Великое княжество Литовское.

Я повторяю еще раз: это функциональные проекты, это не проекты, которые просто выдвигаются ради красивой мысли, флага, герба и т.д. Они носят исключительно функциональный характер. И в нужный момент они либо актуализируется, либо нет. Но в нужный не с точки зрения всемирного заговора, а возможности в конкретное время обеспечить реализацию выгодных для очень многих участников проектов.

Спасибо.

А.Ю. Дубнов. Еще раз спасибо Вам, Артем. Такая познавательная презентация. Я просто хочу от нее оттолкнуться к тому, о чем мы говорили до кофе-брейка. Это вынужденное сотрудничество, вынужденная интеграция, если накладывать на все Ваши схемы. Я, честно говоря, согласен с Василием, это все-таки такие идеологемы, которые очень интересны, но сегодня ими функциональность не прикрыть.

Очень практический пример. Во-первых, я люблю известную фразу Довлатова про компромисс, что такое компромисс по Довлатову. Помните, он описывает: когда Мерсен придет ко мне и попросит у меня прощение, я его прощу. И тогда это будет

мой компромисс. Приползет ко мне на коленях. Я это переношу на вынужденное сотрудничество – приползешь ко мне...

Почему говорю? Сейчас Вы упомянули Туркменбаши. Буквально сегодня, 7 декабря, замминистра иностранных дел России господин Карасин находится в Ашхабаде. Он готовит визит Лаврова. Вы помните, что недавно после пятилетнего перерыва Туркменбаши-2 (президент Туркмении Бердымухамедов – А.Д.) приехал в Россию, в Сочи. И все гадали, с чем же связан этот визит. Теперь потихонечку проясняется. Их так прижали, что он приехал просить кредиты. Речь идет о немаленьких кредитах – от 3 до 5 миллиардов. Туркмены просят у России в этой ситуации.

Я не знаю, чем будут прикрываться туркмены с точки зрения идеологии. Потому что у них абсолютно самостоятельный такой Кувейт. Они, может быть, чего-нибудь найдут. Но они потом же отползут, как Вы сказали. Попросят денег на интеграцию, потратят, а потом кинут, извините за сленг.

Я хочу сказать, что действительно прав еще раз Руслан Семенович, когда говорит, что про интеграцию в истинном смысле слова сегодня надо забыть. Мы все используем друг друга. И не надо прикрывать это какими-то красивыми идеологемами. Спасибо.

А.Ю. Скаков. Ваши очень интересные презентация и доклад вызвали у меня желание сделать два комментария. Было уже сказано на тему исторических аналогий. Когда я смотрю на известный проект Междуморья, у меня постоянно возникает ассоциация с Восточным партнерством. Они очень похожи. Но в Восточном партнерстве по понятным причинам нет Прибалтики, но есть Южный Кавказ – тоже по понятным причинам. Проект немножко смещается на юг, потому что север (Балтия) уже был охвачен ЕС и НАТО.

И, конечно, это не озвучивается, но все равно эта идея заложена здесь, пусть даже она и до конца не осознается – это идея санитарного кордона между Европой и Россией.

И далее насчет Закавказья. Когда мы говорим – Закавказье, Южный Кавказ, это не совсем правильная терминология. Потому что, собственно говоря, если брать географию в чистом виде, Закавказье не является Южным Кавказом, Например, Сочи, Туапсе географически – это Южный Кавказ. Или, например, в районе горы Казбек и поселка Казбеги и еще ряда ущелий в Чечне и Дагестане, граница Грузии переходит на северную сторону Главного Кавказского хребта. То есть Грузия не является полностью

южно-кавказской страной, она страна кавказская, но не южно-кавказская. А часть России находится на Южном Кавказе. Это география.

Далее - история. Так уже сложилось в истории, тем более последние события, последние десятилетия это подтвердили, что Абхазия и Южная Осетия стали частью не Южного Кавказа, а частью Северного Кавказа. И политически, учитывая союз с Россией, и ментально, так как и человеческие контакты, и социально-экономические связи – все уходит у них на Север, по понятным причинам. Опять же здесь получилось смещение понятий. То есть Южный Кавказ уже не является Южным Кавказом.

Что получается? Получается так, что возникает тема дорог – это моя любимая тема. Дорог, связывающих Кавказ – Южный и Северный. Я по своей первой профессии – археолог-историк. Могу на эту тему часами говорить. В древности коммуникации между Северным и Южным Кавказом были гораздо более разветвленные, развитые и многообразные, чем сейчас. Сейчас дорога через Абхазию закрыта по понятным причинам – и железная, и шоссейная. Люди перемещаются, но грузы не могут перемещаться.

Дальше. Дорога Черкесск-Сухум, то, что называется Военно-сухумская дорога. Она строится уже полторы сотни лет, думаю, так и не будет построена в ближайшие полсотни лет. Несмотря на все пожелания, на появление какой-то китайской компании и т.д. Всё это слова, и дальше слов дело как обычно не идет.

Военно-осетинская дорога в послевоенные годы умерла. Я имею в виду после Второй мировой войны она не была восстановлена. Хотя эта дорога вполне может быть реанимирована. Дорога, связывающая Северную Осетию и Кутаиси, практически минуя Южную Осетию, на территорию которой она заходит только краешком, минуя какие-либо населенные пункты.

Дорога Транскам, проходящая через Южную Осетию, заблокирована по понятным причинам.

Работает Военно-грузинская дорога, шоссейная. Кавказская перевальная железная дорога строилась в позднесоветские годы, потом строительство было заблокировано грузинскими «зелеными» (покойный Жвания и т.д.). Во время Первой чеченской войны даже были взорваны туннели, чтобы они не стали базой для боевиков. В принципе к этой дороге тоже можно было вернуться – было бы желание.

Сейчас строится Аваро-Кахетинская дорога, связывающая, соответственно, Дагестан и Грузию. Но в Грузии на эту тему возникла некоторая истерия, из-за того, что строится дорога, по которой придут в Грузию танки из России. Люди живут

мерками XIX века. Сейчас танки могут дойти и без дорог куда угодно. Но дорога, тем не менее, строится, будет ли она достроена – неизвестно. Но движение какое-то есть. По крайней мере, в Дагестане она строится, а так как граница Грузии переходит в данном случае через Кавказский хребет, несложно провести эту дорогу дальше.

И дальше мы видим дорогу, идущую вдоль берега Каспия, связывающую, соответственно, Дагестан и Азербайджан. Это работающая дорога – шоссейная и железная.

Реально получается три работающие дороги – две шоссейные, одна железная. Но это, конечно, очень мало. Получается, что Россия искусственно отсекается от, условно говоря, Южного Кавказа. То есть Южный Кавказ выполняет функцию транзита только в направлении Запад-Восток, но не Север-Юг. Это происходит совершенно искусственно.

В.И. Мироненко. Я, во-первых, благодарен Артему Акоповичу за замечательный доклад и за то, что первая часть моего вступительного выступления о контексте прекрасно реализована. А с другой стороны, благодарен за термин, который здесь появился, - об идеологемах, о том, что является реальностью, а что является все-таки идеологемой.

И в этой связи, если позволите, эти два замечания, которые я не стал делать в первом выступлении, дожидаясь обсуждения второго и третьего вопросов.

В связи со вторым вопросом позвольте возвратиться к первой части нашей дискуссии, а именно к тому, что представляет собой сегодня постсоветское пространство. Мой ответ будет довольно категоричен - оно ничего сегодня из себя не представляет. Это тоже некая идеологема вроде тех, о которых Вы сейчас рассказывали, только возникшая в более позднее время.

И, более того, мне кажется, что, в общем-то, этого постсоветского пространства по большому счету никогда и не было. Оно возникало в нашем сознании, а на самом деле происходило разрушение того пространства, которое существовало. И в этой части я был бы очень осторожен с использованием терминов – имперский, постимперский и т.д. Да, можно и так на это посмотреть. Но на самом деле вы прекрасно знаете, что империя была Российской, а Советский Союз формировался на совершенно других принципах и основаниях, общество, которое с ним пытались создавать было и остается абсолютно беспрецедентным в истории человечества. Так к этому, на мой взгляд, нужно и относиться – как к некому уникальному социальному опыту.

Второй или третий вопрос о том, почему это происходило, как это происходило. И здесь я хотел бы сделать один комментарий, не столько экономический, мы все больше в сторону экономики склоняемся, сколько политический. То есть почему все это произошло и как? Совершим небольшой исторический экскурс.

Советский Союз – это была некая идеологическим обручем связанная общность, и как только М.Горбачевым было сказано, что общечеловеческие ценности важнее интересов классовых, помнится, в 85-м году, по-моему, на встрече с участниками Иссук-кульского форума, этот обруч лопнул, остались экономические интересы.

Давайте вспомним, что происходило потом. А потом начался один очень интересный процесс, который, мне кажется, нужно иметь в виду, если сейчас вести речь о какой-то новой интеграции. В политическом процессе очень важно избегать решений. Я вижу, как минимум, два политически необратимых решения, которые принимала та страна, которая теоретически могла бы стать центром новой интеграции, - Российская Федерация.

Все мы прекрасно помним, когда президентом России стал Борис Ельцин, и об этом сегодня вспоминали частично в связи с Геннадием Бурбулисом и подготовленным им письмом, он и его команда в борьбе с Союзным центром начали переподчинять себе практически все, что создавало общее экономическое пространство. То есть начал борьбу с Советским Союзом, переподчиняя себе предприятия с их многообразными связями,, находящиеся на территории Российской Федерации.

Руководство Российской Федерации во главе с Б.Ельциным, во-первых, предредило его дальнейшее разрушение. Это было уже ясно тогда. И второе - сделало его восстановление практически невозможным. Это было первое необратимое политическое решение.

Со вторым необратимым политическим решением будет сложнее в контексте интеграции, но это было отторжение автономной республики Крым от Украины и присоединение его к Российской Федерации. Оспаривать это решение нам запрещает российское законодательство, но закон не запрещает нам анализировать его последствия. Я этим и воспользуюсь.

А они таковы, что с этого момента и впредь до момента, который сегодня никто не может не только предугадать, но даже себе представить какое-либо восстановление предшествовавших реальных – Советский Союз или воображаемых, каких-то фантомных объединений – СНГ, форм экономической и тем более политической

интеграции на так называемом постсоветском пространстве стало практически невозможным.

Единственным реальным путем в этой связи – выстраивание нового пространства сотрудничества, на мой взгляд, остается простая вещь – предоставить максимальную свободу развития естественным процессам: торговле и производственной кооперации, свободному не стесняемому ничем взаимодействию товаропроизводителей и, шире, новых действительно независимых государств. Хотелось бы подчеркнуть: действительно новых и действительно независимых, с учетом региональных или глобальных интеграционных процессов, в том числе и тех, о которых говорили и Вы, - воображаемых или реальных.

Спасибо.

О.А. Воркунова. Я тоже хочу Вас поблагодарить. Потому что это совершенно необычное такое измерение – интеграционные особенности. Я бы хотела прокомментировать проект – Балтоскандия. Скандинавская интеграция была на достаточно высоком уровне по сравнению даже с Евросоюзом. Проект Северного сотрудничества – это очень высокая степень интеграции.

И когда распался Советский Союз, то страны Северной Европы акцентировали внимание на Балтии. Тогда был реанимирован этот проект. То есть скандинавские страны воспользовались усилением скандинавского ядра за счет Балтии. В этом состоял успех вхождения Балтийских государств нашей советской и постсоветской Прибалтики в Евросоюз. Только благодаря соединению этих двух проектов.

И, к сожалению, не было предложено перспективных проектов для, условно говоря, славянского треугольника. Поскольку здесь не просматривалось никаких вариаций. Я не случайно задала вопрос о геометрической политологии Майкла Эмерсона. Помните, у него были разные конструкции интеграционные: система ступицы и спиц (колесо), система паутины (паук и концентрические круги), матрица и «кубик Рубика». В этой связи насколько перспективна евразийская интеграция, если возникают две силы, два центра. Это в большей степени, может быть, касается перспективы Шанхайской организации – Китай и Россия. Но Китай – достаточно мощная сила, если мы будем сопоставлять потенциалы, по сравнению с Россией. А у России – амбиция – сыграть такую роль сверхдержавы.

Насколько перспективны в этом смысле в построениях Эмерсона интеграционные объединения при наличии более одной региональной державы или сверхдержавы? То есть, вероятнее всего, перспектива достаточно туманная. Потому

что в силу именно подобных конкурирующих держав интеграционная конструкция не может быть успешной.

Спасибо.

А.В. Малашенко. Боюсь, что я буду повторяться. Ощущение от того, что мы видели, - очень красивое с такой легендой или сказкой. Очень красиво, все, я бы сказал, исторично. Но когда думаешь о том, к чему это приведет, то не сходятся концы с концами. И самое главное, рано или поздно интересы национальных государств так или иначе придут в противоречие.

Предположим, даже не приходят. Давайте поразмышляем. Какая реальная, главная цель интеграции или формирование неких региональных организаций? Или просто создание каких-то транзитных регионов, или концентрация под своим контролем ресурсы.

Кто будет платить – тоже непонятно. Не хватит денег. Потом, например, по поводу Ирана. Я очень уважаю Иран, но заниматься шиитским проектом на это – никакого Хомейни не хватит. Тут надо как-то выбирать.

Наконец, самый последний даже не проект, а попытка чего-то такое реализовать. Это железная дорога (проект ТАТ) от Туркменистана до Таджикистана. Где она?! Возможна ли она? Просто разговор про интеграция недостаточно.

Думаю, в обозримом будущем это все планы-проекты не более чем утопия, так же, как и евразийская интеграция.

Очень хорошо говорил про экономику, про все. Все правильно. Но на секундочку добавьте к этому политику. Как только возникает политический фактор, все начинает разрушаться.

А.А. Улуян. Я с Вами полностью согласен. И хочу сказать, что название моего доклада – это более простое название, не о том, что есть, а о том, как конструируют, как хотят изменить или хотели, частично хотели, частично хотят или могут хотеть.

А.В. Малашенко. Но у Вас такие красивые карты и схемы, что когда на это глядишь, то, возникает, так сказать, географический шарм. ...

А.А. Улуян. Я просто хочу сказать о том, что это вопрос деструктуризации постсоветского пространства в контексте различных идеологем, которые могут реализоваться, а могут не реализоваться. Или, наоборот, находятся в противоречие. То есть то, что это пространство не едино, и никто его единым не рассматривает. Только это.

А.В. Малашенко. Абсолютно так и есть. Но эти самые рисунки, границы начинают материализовываться в сознании. Им начинаешь верить. Вот в чем дело.

О.М. Здравомыслова. Вы хотите сказать, что в головах это пространство уже распалось окончательно?

А.А. Улунян. Конечно. В головах многих людей, я бы сказал, большинства оно распалось. Даже знаете, как сказать: не в культурном, политическом, а просто в географическом смысле ближе стали другие регионы. То есть соседи стали ближе в силу материальных возможностей, невозможностей. Соседи стали ближе, они начали смотреть со своей кочки на всю остальную часть болота или не болота.

В.П. Жарков. Можно в защиту Вашего доклада? Потому что скепсис, собственно, уже высказан и мной в том числе. Но нужно отметить то рациональное зерно, которое у Вас, безусловно, присутствует.

Мне кажется, что мы видим не только отсутствие единого пространства и его понимания. Но мы также видим конфликтный потенциал на территории бывшего СССР, который в том числе может генерироваться подобного рода радикальными историко-географическими конструктами и проектами. Потому что Вы ведь провели, по сути дела, по паре конфликтующих между собой, а то и по несколько конфликтующих между собой структур, например, турецкие и иранские. Они, очевидно, не могут быть никак интегрированы вместе и вообще не способны как-то ужиться друг с другом. Каждый из них действует автономно, предполагая войну в отношении окружающих.

При этом на том же постсоветском пространстве действуют реальные мировые силы, растущие силы, Китай и, как многим хотелось бы верить, Россия, Европейский Союз, задачи ослабления которых может кем-то ставиться в «большом мире». Хотел бы напомнить, о чем говорит господин Миршаймер, его идею «оффшорного регулирования», на мой взгляд, весьма опасную и архаичную, из позапрошлого века: что Соединенным Штатам де надо сдерживать растущие региональные силы, балансируя их взаимодействие, в том числе, скажем так, не мешая возможным конфликтам между ними. Все это заставляет сейчас задуматься не только о каких-то желаемых идеях интеграции, сколько о том, как избежать возможных столкновений и вызовов для безопасности на территории бывшего СССР.

А.В. Девятков. У меня краткое замечание. Эта теория или концепт region-building, то есть регионостроительство – это вообще сегодня и в последние лет 15-20 крайне модная штука. Все занимаются и на микро-, и на макро- и на

мезоуровнеорегионостроительством. Сегодня мы живем, скажем так, в мире, который кто-то называет неолиберальным, кто-то постмодернистским.

В рамках старого мира мы мыслили эти регионы как замкнутые структуры, где доминирует какой-то один актер, гегемон. Зоны эксклюзивного влияния. Однако в современном мире все эти регионы более мерцающие, они не замкнутые, они взаимопроникающие. И в принципе это нормальное состояние экономически взаимозависимого, социально взаимозависимого, интеллектуально взаимозависимого мира.

И в принципе мне кажется, что, конечно, проекты ЭПШП и какие-то турецкие инициативы мы не можем рассматривать как опять-таки замкнутые проекты. Их нужно рассматривать с точки зрения современной концепции region-building. То есть они делаются под конкретные, узкие задачи, как правило. Так, концепция ЭПШП – это даже не стратегия, это просто инициатива, как китайцы ее называют. Подобные проекты выражают в какой-то степени soft power тех стран, которые их иницируют.

Китайцы потихоньку наращивают свое очень мощное влияние во всех окружающих странах. Туркмения буквально за несколько лет подпала под преимущественно китайское влияние. Турция также расширяет свое присутствие на постсоветском пространстве, в том числе в Гагаузии. И, казалось бы, «пророссийская» Гагаузия склонялась в итоге при обострении отношений Москвы и Анкары к нейтралитету относительно российско-турецких противоречий.

При этом региональные проекты взаимопроникающие, где-то они конфликтующие, где-то взаимодополняющие. Но в целом они играют свою позитивную роль в рамках общего глобализационного тренда.

И я бы основной доклад этой части нашей дискуссии поддержал с точки зрения того, что, конечно, мы не увидим красивых, цветущих транзитных хабов, но тем не менее тактически на каких-то конкретных, локальных вещах это будет прекрасно работать.

А.В. Рябов. Резюме у меня опять будет чрезвычайно кратким. Как мне кажется, как раз при обсуждении этой проблематики достигнуто гораздо больше единства. Потому что все участники так или иначе признали, что факт существования концепций регионального проектирования, как минимум, отражает уязвимость постсоветского пространства, что на самом деле оно уже сейчас является объектом для нового регионального строительства. На разных уровнях – интеллектуальном, экономическом и т.д. Состоятся ли новые регионы или нет – никто же не утверждал, что да, один из

этих проектов станет реальностью. Но раз есть определенный набор проектов, то есть и шанс, что какой-то или какие-то из них могут реализоваться, что повлечет за собой радикальное переформатирование всего постсоветского пространства.

У Андрея была особая точка зрения, как мне кажется, тоже очень интересная, заключающаяся в том, что не надо переоценивать некую долговременность, стратегичность этих проектов. Дело в том, что в современном мире, который действительно очень здорово сфокусирован на региональное строительство, такого рода проекты, как правило, используют для решения каких-то конкретных экономических задач. Задача решается, и потом сама идея, в общем, как-то отмирает сама собой.

Наверное, вряд ли мы придем сейчас к какому-то компромиссу между этими позициями. Да я думаю, что он здесь и не нужен. Просто зафиксируем две разные точки зрения на этот процесс.

Как мне кажется, даже эта вторая точка зрения не отменяет того фактора, что в принципе постсоветское пространство как единый организм, если мы признаем это единство, является очень уязвимым перед различными вызовами.

Реплика. Под конец скажу одну такую ехидную фразу. Если супер-Польша создается, то это значит кому-нибудь нужно. Я бы сказал, что сейчас это никому не нужно.

А.В. Рябов. Первое, что хотел сказать. Постараюсь говорить тезисами, чтобы не затягивать свой доклад. В отличие от доминировавшего сегодня мнения о том, что постсоветского пространства нет, оно распадается, я попытаюсь отстоять другую точку зрения, что оно еще существует. Эта позиция основана на схожести внутривнутриполитических процессов, несмотря на различия в политических и экономических системах.

Начиная с 90-х годов, исследователи привыкли рассматривать внутривнутриполитическое развитие только по одной шкале координат, которую можно обозначить как «авторитаризм – демократия» и соответственно располагать все государства по этой линейке. Действительно в самом примитивном виде такого рода линейку можно представить с двумя полюсами: на одном из них – электоральная демократия Молдова, а на другом, - едва-едва выходящий из султанистского, в терминологии Хуана Линца, режима Туркменистан, потихонечку все-таки дрейфующий в сторону жесткого неавторитаризма. Конечно, можно спорить по этой стране, но все-таки определенное движение в этом направлении есть. Сегодняшний

режим Бердымухаммедова все же отличается от того классического султанизма, который существовал в Туркменистане до 2006 года.

А между этими полюсами располагаются все остальные страны, Существует такое разнообразие всевозможных классификаций, характеристик политических режимов в постсоветских государствах, что их простое перечисление потребует отдельного доклада. Поэтому я не хотел бы рассматривать этот вопрос. Но обратил бы внимание вот на какую деталь. В литературе доминирует представление о том, что на постсоветском пространстве есть три демократии. Одна уже сформировавшаяся электоральная демократия - Молдова, и две активнодвигающиеся к демократии страны – Украина и Грузия. А далее расположено пространство консолидированных и полуконсолидированных авторитарных режимов.

Где-то между демократиями и авторитаризмами «зависает» Киргизия, которая вроде бы, с одной стороны, неконсолидированный или полуконсолидированный авторитаризм. А с другой стороны, эта страна все же движется, хотя и с зигзагами, в направлении электоральной демократии. Но одновременно Киргизию и вовсе нередко называют failed state или почти failed state, то есть единой оценки политического режима в этой стране, нет.

Впрочем, бывают и другие подходы. Меня поразил, например, последний доклад не очень любимой у нас организации, но в то же время авторитетной в своей области – Freedom house report за 2016 год, который вообще не фиксирует ни одной демократии на постсоветском пространстве. Ибо все три страны – Молдова, Украина и Грузия отнесены авторами к группе государств с переходными правительствами и гибридными режимами, что вовсе совсем никак не демократия.

Как мне думается, этот путь – попытка измерить внутривнутриполитическое развитие в одной плоскости «авторитаризм-демократия», не то, что контрпродуктивен, он ограничен. Потому что одна из ключевых проблем, как соотносятся демократизация и модернизация в процессе этого развития, тут никак не рассматривается. Конечно, если не оставаться на позиции 90-х годов, эти понятия расценивались чуть ли не как тождественные. Тогда было принято считать, что где демократизация – там и модернизация, что демократизация порождает модернизацию. В широком смысле слова это правильно, но на небольшом историческом отрезке все оказывается гораздо сложнее.

Реалии нулевых опровергли эту упрощенную схему. Так, Молдова, самая продвинутая с точки зрения демократизации страна, по уровню экономического

развития, по объему ВВП, по качеству жизни находится на одном из самых последних мест в Европе, рядом с Македонией и Албанией. А авторитарный Казахстан долгое время считался одним из лидеров модернизации на постсоветском пространстве. Очевидно, что рассмотренная выше линейка никак не годится, чтобы это объяснить. Она ничего ровным счетом не дает. Линейка, на мой взгляд, только позволяет поставить вопрос: а почему при доминировании авторитаризма на постсоветском пространстве, все же есть страны, которые решили двигаться путем демократизации? Почему эти три, а может быть, и четыре государства, включая Киргизию, которая непонятно – то ли это полуконсолидированный авторитаризм, то ли это failed state, то ли нарождающаяся демократия, почему они отделились от этого общего авторитарного мейнстрима? Думается, причины невозможно свести к одному знаменателю. Они разные, но все-таки иногда пересекаются. Так, скорее всего, общее у двух стран Молдовы и Грузии, заключается в том, что у них есть давнишний конфликт с Россией, который заставил их искать себе другую геополитическую точку опоры в лице Запада. У Грузии – более острый и глубокий. У Молдовы – ситуация выглядит существенно мягче, но природа ее та же. Я думаю, что в итоге конфликта на востоке Украины, это стало справедливо и для нее. А попытка опереться на Запад предполагает и необходимость принять его систему ценностей и институты.

Другая причина – деноменклатуризация политики, то есть выдавливание из нее представителей прежней паптийно-хозяйственной номенклатуры. По большому счету это произошло только в одной стране – Грузии, где после «революции роз» 2003 года состоялась массовая смена поколений в национальной политике. Новый политический класс сильно помолодел и он уже состоял не из бывших советских чиновников, а из выходцев из бизнеса, НПО, университетов, причем имевших преимущественно западное образование. Но при всем том, деноменклатуризации государственной бюрократии началась в Грузии гораздо позднее – после принятия парламентом в мае 2011 года «Хартии свободы». Только тогда начались люстрации государственного аппарата. В целом же политическая элита в Грузии менялась трижды. Это абсолютный рекорд постсоветского пространства.

Сначала старая советская номенклатура была смыта «революцией роз». К власти пришло поколение 90-х, жутко идеологизированное и жестко нацеленное на вестернизацию Грузии. Затем после парламентских выборов 2012 года оно было вытеснено правительством «Грузинской мечты». У власти оказалось еще более молодое поколение технократов, которые гораздо меньше были ориентированы на

борьбу с советским прошлым, и относились к этому прошлому, скорее, как к музейному артефакту. Для них это часть музея политической истории, не более того, причем неживая и болезненная, как в странах Балтии.

Видимо, совершенно другой фактор двигал демократизацию Молдовы. Это культурная, этническая, историческая близость с Румынией. Этот тот самый случай, который Аркадий часто упоминает в своих выступлениях, обращая внимание на то, что еще в самом начале независимого развития граница Молдовы с Румынией была снята. И это был прорыв в Европу, стремление быть поближе к Западу, к каким-то историческим корням.

Мне не совсем понятно, и я хочу адресовать этот вопрос коллегам: «А почему Киргизия также двинулась путем демократизации? По крайней мере, почему в этой стране попытки утверждения авторитаризма как-то не прививались?» Есть какие-то примитивные объяснения на этот счет, связанные с отсутствием в Киргизии традиции властных вертикалей, и наоборот, с наличием равновеликих по силе и влиянию кланов, которые и создают некое пространство конкуренции. Но хотелось бы услышать что-то более аргументированное по поводу Киргизии.

Еще одна причина, не присущая Грузии, но весьма характерная для Украины и для Молдовы - это отсутствие сложившейся национальной идентичности, а существование нескольких конкурирующих субидентичностей, борющихся за лидерские позиции и находящиеся в состоянии динамического равновесия.

Все перечисленные факторы в совокупности, опять-таки у каждой страны собственный их набор, определили стремление этих стран через демократизацию уйти отсюда, с постсоветского пространства, на котором господствуют авторитарные тенденции.

Но мне кажется, что все-таки борьба, соревнование между авторитарными и демократическими векторами развития - это не главное, что определяет современное состояние постсоветского пространства. А главным же, системообразующим критерием, сближающим все государства, расположенным на территории бывшего СССР, является наличие в их общественной структуре института власти-собственности. Он существует и определяет природу властных отношений, как при авторитарных режимах, так и при демократическом правлении, как в странах, где прошла приватизация и возникла частная экономика, так и в государствах, в которых сохранилась преимущественно государственная форма собственности.

Почему так получилось на постсоветском пространстве? Да потому, что новые правящие группы, которые монополизировали в своих руках контроль над властью и собственностью, оказались незаинтересованными в дальнейшем продвижении новых независимых государств к демократии и свободному рынку. Как впрочем, и в реставрации прежних социалистических порядков. Это еще впервые отметил американский исследователь Дж.Хеллман в 1997 года. Для этих правящих элит наступил их корпоративный «конец истории», если использовать название знаменитой статьи Фрэнка Фукуямы.

На самом деле существование этого института блокирует не только продвижение общества к демократии. Оно в принципе препятствует формированию любых социальных и политических акторов, которые были бы заинтересованы в дальнейшем развитии и модернизации этих стран. Поэтому мой ключевой вывод, если говорить о внутривластном развитии, заключается в том, что наличие института власти-собственности формирует некую общность, сближающую постсоветские государства. Благодаря этому их правящие элиты, несмотря на существование серьезных межгосударственных противоречий, заинтересованы во взаимной поддержке. Но при этом все они хотят сохранения status quo в своих странах, который только и может гарантировать удержание ими власти, а стало быть, и собственности. И по этой причине возникает главная, на мой взгляд, проблема постсоветских государств, которую я бы обозначил как дефицит развития. Не дефицит демократии, а дефицит развития.

И в этой связи, как мне представляется, демократизация может стать импульсом к модернизации, но если только она переходит на следующую стадию развития. То есть выходит за рамки электоральной демократии, и идет по линии формирования демократии участия, создания независимого правосудия, деолигархизации экономической и политической жизни, создает условия для реализации социальных и гражданских прав человека. Иными словами, когда она перестает быть «бесплодной демократией» в терминах Тома Карозерса, а становится инструментом развития.

Поэтому еще раз подчеркну: на мой взгляд, ключевой проблемой постсоветского пространства является дефицит развития. Преодоление же этого дефицита возможно лишь при условии смены институционально-государственной модели, а именно в результате перехода от патронажного или патронажно-клиентеристского (в последней книге Генри Хейла 2015 года оно названо патронажным государством) к государству договорному. Я бы не стал обозначать его как Сервисный центр, поскольку

государство не только оказывает услуги, но и имеет обязательства перед гражданами. Поэтому я говорю о договорном государстве. И мне представляется, что за всю 25-летнюю историю постсоветского пространства и стран, расположенных на этом пространстве, была предпринята только одна-единственная попытка и то лишь частично удачная попытка заменить патронажное государство на договорное. Это произошло в Грузии при президенте Михаиле Саакашвили, скорее даже на первом сроке его президентства.

Итак, как мне кажется, ключевая проблема этого пространства заключается в том, что у него нет внутренней динамики развития, что это пространство status quo. Зачастую разговоры о европейских реформах здесь используются лишь для того, чтобы, с одной стороны, создать некий географический, геополитический противовес или временный политический противовес влиянию России, а с другой, для получения финансовой помощи от западных стран. Хотя в последние годы во взаимоотношениях постсоветских стран с Европейским Союзом очень многое изменилось. Евросоюз больше не хочет быть тем добрым дядей, который ради антироссийской риторики со стороны реципиента западной помощи спонсирует разного рода сомнительные проекты и проекты без ясной перспективы. Но тем не менее желание попользоваться западной помощью без всяких ответных обязательств в столицах постсоветских стран пока остается.

И последний вывод в этой связи заключается в том, что пока общая проблема дефицита развития существует, то очевидно, можно и говорить о целостности постсоветского пространства как политико-географического региона мира.

На этом я закончу.

В.И. Брутер. У меня такой замечательный уточняющий вопрос. Если мы говорим об общности внутривнутриполитического пространства и отсутствии общности политического пространства, мы приходим к выводу, что это не противоречит друг другу.

А.В. Рябов. Я согласен, здесь есть вопрос. И он указывает на то, что, наверное, требуется многоуровневое описание постсоветского пространства, при котором процесс взаимодействия между отдельными странами рассматривался бы в разных сферах, в разных плоскостях, на разных уровнях. Иными словами, не сводится все лишь к рассмотрению двухсторонних межгосударственных отношений. Здесь, точнее, даже я бы сказал, разноплоскостного характера взаимодействия между постсоветскими

государствами. Но я согласен, что, с моей стороны, видимо, была предложена неудачная формулировка.

В.И. Брутер. А почему? Может быть, наоборот, удачная?

А.В. Рябов. Я хотел лишь сказать, что выстраивается типология постсоветских стран, которые формируют определенный кластер.

В.И. Брутер. Я думаю, если переходить к математике, то это чисто топологическая задача – задача на множество. У меня все время присутствует такая аналогия. Как бы мы говорим об одном и том же, но не можем найти для этого одного и того же некоей общей картины. Такой момент у меня все время вертится, вертится, вертится, и он так и не заканчивается.

И второй момент – дефицит развития. Мы с вами этот вопрос обсуждали уже довольно давно и много раз. А считаете ли Вы, что дефицит развития, дефицит модернизации – это синонимы в данном случае, или все-таки это не совсем синонимы?

А.В. Рябов. Нет, это не совсем синонимы. Модернизацию - поскольку термин может быть интерпретирован в разных социальных науках по-разному, все-таки следует понимать как процесс перехода к современному обществу. Сегодня современное общество такое, где экономика основана на секторе услуг и высоких технологиях, где есть социальная демократия.

В случае же с постсоветским пространством речь идет о дефиците позитивной динамики в направлении модернизации.

В.И. Брутер. У нас ведь есть классический пример авторитарной модернизации в виде Сингапура, который считается классикой авторитарной модернизации. А собственно говоря, то, что его нигде не удалось применить, причем необязательно в большой России или в большой Украине, но и в маленьких странах, и в достаточно однородных странах, тем более что Сингапур этнически неоднороден все-таки.

Вопрос в том: а собственно говоря, почему известный опыт с известным результатом, с известными ограничениями в политике, которые на постсоветском пространстве применяются всюду и повсеместно, и, собственно говоря, нет никаких противоречий с гражданами по поводу политических ограничений, они с удовольствием на них пойдут, если увидят результат. Почему, несмотря на все это, что нигде на постсоветском пространстве не только модернизации не получилось, а нигде даже не удалось даже продвинуться в этом направлении? И Вы об этом сказали, говоря о Грузии.

В.И. Мироненко. Интересный пример. Все-таки таких маленьких стран, как Сингапур, надо поискать при всем при этом. Если мы говорим о модернизации не вообще, а конкретно. Латвия хуже тем, что мы прекрасно знаем. Все Прибалтийские республики - практически ни о какой независимости там серьезно говорить не приходится, она формальная. Фактически они просто присоединились к интеграционному проекту.

Второе. Я не могу согласиться с Вашим, Андрей Виленович, тезисом о том, что нигде больше никаких сдвигов не произошло в сторону демократизации и либерализации и т.д. Они очевидно происходят. Просто они, может быть, меньше, не такие впечатляющие. Может быть, отличаются чем-то. Но я думаю, что Ваше категорическое утверждение не справедливо.

В.И. Брутер. Что касается Латвии. Мы имеем крайне урбанизированную страну, которая находилась и находится в самом центре транспортных коридоров, имеет замечательную рекреационную инфраструктуру и развитую промышленность. А на практике получается почти что failed state. Если мы возьмем Юрмалу, которая была замечательным всесоюзным курортом. Если я не ошибаюсь, после того, как посадили Труксниса – это седьмой мэр, который сидит... Это есть результат, который, как я понимаю, однозначно как отрицательный. Его нельзя понимать по-другому.

Вопрос в том, почему в Латвии столько же населения...

Реплика. Все-таки сидит же.

В.И. Брутер. Левицкий после того, как вышел, опять устроился на работу в мэрию. Талант пропадал. Сидел и пропадал.

Это важный вопрос. На самом деле это ведь не шутка. Да, мы понимаем, Латвия – готовый кандидат на успешную модернизацию, хотя бы по сингапурскому варианту. Готовый кандидат, подготовленный кандидат. Но из этого получается совершенная противоположность. Постоянный этнический конфликт, пусть в разной форме. Нерешенный этнический конфликт. Постоянная коррупция, связанная с использованием служебного положения в целях личного обогащения, начиная с Шкеле, которого потом Крастс сменил, все мэры Юрмалы... Мы можем еще добавить Вентспилс с Лембергсом и тому подобное.

Это то, о чем Вы говорили. Это внутривластное единство. Они по-другому не понимают.

А.В. Рябов. Безусловно, это ключевой вопрос. К сожалению, какого-то развернутого ответа на него мы не найдем сейчас.

В.И. Брутер. Я бы ответил очень просто: в Сингапуре они это понимали, здесь они это не понимают.

А.В. Рябов. А почему они здесь это не понимают? Об этом много написано, особенно в литературе по институциональной экономике, чем по политическим наукам. Основное объяснение заключается в процессе трансформации института власти- собственности в старом его советском наполнении в новый, постсоветский. Этот процесс занял десятилетие и он был достаточно сложным И главное, что в этом процессе сохранилось то же управляющее меньшинство, которое и стремилось закрепить свой статус управляющего меньшинства в изменившихся институциональных реалиях.

В Сингапуре такой задачи не стояло. Потому что не было и самой этой проблемы – создания частной собственности. Она уже была решенной. И потому цель была - соответствующим образом организовать народное хозяйство и построить политические институты в обществе, основанной на частной собственности.

А здесь задача элитами изначально понималась по-иному: как приспособить старую систему к новым реалиям. В этом плане, как мне кажется, действительно все постсоветские государства похожи друг на друга. Думаю, что мы с вами согласимся в том, что и многие государства в Восточной Европе очень сильно похожи на постсоветские страны, например, та же самая Болгария. Думаю, что и Румыния тоже. В них тоже сильно влияние института власти-собственности. И как следствие ее – дефицита развития.

Большинство же нигде не имело ни соответствующих ресурсов, ни управленческого опыта, ни знаний. И поэтому уже в стартовой позиции было поставлено в положение проигрывающего. И совершенно закономерно, что к концу 90-х годов, о чем мы говорили, ссылаясь на знаменитую работу Хеллмана «Winners take all», новые элиты получили монополию на власть и собственность. И поэтому в обществе была воспроизведена практически та же самая социальная иерархия управляющего меньшинства и управляемого большинства, которое ничем не владеет и которое в отличие от прежней системы еще не имеет возможности даже формально куда-то апеллировать за справедливостью.

Таков мой ответ, я понимаю, не очень убедительный но...

(Обрыв записи)

И.А. Сухов (?). ...Умер-то он в Алма-Ате, в Казахстане. И почему он там находился? Он там находился, потому что Казахстан построил медицинскую систему,

которая более конкурентоспособна, очевидно, чем российская. И люди из России едут туда в платные клиники получать какие-то медицинские услуги. Но не всегда это, конечно, заканчивается успехом, но тем не менее такая история есть.

Может быть, это означает, что на маленькой площадке, которой Казахстан является, например, по сравнению с Российской Федерацией, если сопоставить одну страну с 14 млн. населения и другую – со 146, мы поймем, что это площадки разного калибра. Возможно, Казахстан является такой площадкой, где группы, которые находятся там у власти с 91-го года, почувствовали себя заказчиком строительства такого политического дизайна, в который более-менее вовлечены все 14 млн. человек, находящихся на этой территории. И оказалось, что они близки к тому пониманию, которое мы видели в Сингапуре. И они готовы импортировать систему здравоохранения, делать ее какой-то функциональной. И получился какой-то общий интерес.

Мы здесь видим какой-то вариант ответа на вопрос о заказчике преодоления дефицита развития. Какой ответ на этот вопрос, по-вашему, существует в других странах постсоветского пространства, даже в той же Грузии, было бы интересно услышать.

Мне кажется, что это один из фундаментальных вопросов.

А.В. Рябов. Иван, спасибо за очень интересную мысль. Обычно этот вопрос довольно часто в разных формах фигурирует при обсуждении не только этой, но и каких-то это должны быть продвинутые слои бизнеса и работники современных сфер экономики. Это некая теория. Это wishful thinking – это так должно быть. Но на деле такая социальная композиция нигде не складывается.

А Вы, на мой взгляд, уловили проблему очень точно. Заказчиком могут быть, прежде всего, существующие правящие слои или хотя бы какая-то их часть, которая находится внутри этого управляющего меньшинства.

Я могу с Вами согласиться, что в Казахстане признаки этого есть. Не знаю, в какой степени их намерения реализуются или нет, но признаки понимания, стремления что-то сделать существуют. В Грузии же такие люди, которые могли бы быть потенциальными заказчиками, тоже есть. Но проблема этой страны в том, что у нее, в отличие от Казахстана, нет ресурсов. Здесь я соглашусь с Аркадием, что без ресурсов очень трудно построить эффективную государственность. И поэтому мы с вами прекрасно помним, как честные, откровенные высказывания Михаила Саакашвили о том, что Грузия должна стать нацией водителей туристических автобусов и

менеджеров в гостинице, вызвали бурю протеста в самых разных верхушечных слоях грузинской интеллигенции. Как же так, страна с такой великой культурой должна опускаться в сервисную экономику с водителями автобусов и туристическими менеджерами? А именно из-за ресурсных ограничений.

По-моему, сочетание этих двух факторов – наличия каких-то групп внутри правящего слоя и ресурсов – может теоретически создать этот запрос на развитие.

Но кроме Казахстана, честно говоря, нигде на постсоветском пространстве я других таких примеров не вижу ни в одной стране

А.В. Малашенко. Андрей, ты сейчас такое произнес слово – теоретически. То есть конская упряжь

А.В. Рябов. Теоретически – это означает, что у страны есть возможности для осуществления модернизации, а воспользуется ли она ими – это вопрос открытый. Да, у Казахстана есть ресурсы, имеется стратегия развития «Казахстан-2050». И это не просто набор каких-то бумаг, это серьезный план действий. Страна реально смотрит в будущее, а не апеллирует бесконечно к консервативным ценностям. За ними в Астане предлагают отправиться в Национальный музей, там есть и юрта за стеклом, есть конская упряжь, народные музыкальные инструменты. Но политика страны обращена в будущее. Есть у Казахстана и продвинутая идеология, включающая элементы евразийства. Иными словами, чувствуется стремление придать системе мобильность и адаптивность. Не закрыться и саму себя заморозить и быть счастливой в этой заморозке, что пытается делать подавляющее большинство остальных стран. А попытаться все-таки адаптироваться к современному миру и придать системе некое движение.

Еще одно условие – наличие у Казахстана новых элит, которые целенаправленно воспитывались, обучались в течение этой четверти века. Возможно, при каком-то стечении обстоятельств это все наложится одно на другое и даст искомый модернизационный результат. У других стран, на мой взгляд, возможностей для модернизации существенно меньше.

А.В. Малашенко. Андрей, а ты допускаешь реактивность. Меня сейчас Аркадий будет бить, но все равно. Ты подумай... я изобретаю. Взрыв в Ферганской долине, какое-нибудь исламское движение Узбекистан прибежало и быстро-быстро создает исламское государство со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это ужас! Этого быть не может. Но такая теория.

Это не может побудить эти элиты, какие-то группы интересов, может быть, задуматься: а вдруг, ребята, такое будет повторяться?

Реплика. Исламское государство у нас запрещено.

А.В. Рябов. Да, исламское государство запрещено.

А.В. Малашенко. А где?

А.В. Рябов. ДАИШ – запрещенная в России организация.

А.В. Малашенко. Стоп-стоп. Я не понял, Это мы запретили то исламское государство, которое еще пророк Мухаммед создавал?

А.В. Рябов. Нет, у нас в стране запрещен ДАИШ.

А.В. Малашенко. Между прочим, он был первый, смотрите.

А.В. Рябов. Алексей Всеволодович, еще раз говорю: согласен, что реальная угроза может побудить какую-то часть правящих кругов к модернизации. Кстати, видите, мы совместными усилиями как-то определяем набор условий, необходимых для начала модернизации .

Еще раз повторю то, что только что было сказано. Очевидно, что может подвинуть ту или иную страну к модернизации, так это очень сильный внешний шок, очень сильный внешний вызов, который ставит под угрозу сам факт существования данной системы. Вот еще один критерий, который нужно упомянуть.

В.И. Брутер. Одна короткая фраза. События в Украине и события в Сирии очень сильно «прочистили мозги» России, они заставили ее искать место в меняющемся мире. Это так. Вы хотите сказать, что этого недостаточно? Да, недостаточно. Но на самом деле некая динамика заметна. Из ситуации, когда никто ничего уже не хотел, и у всех все было, у тех, кого было, начала развиваться ситуация, когда вынужденно Россия должна искать свое место, когда того места, которое было у тех, у кого все было, больше не существует.

А.А. Улуянн. Я хотел бы задать вопрос, непосредственно относящийся к теме доклада. Вы сказали о трудностях процесса реформирования или создания новой системы и т.д. Почему не подходит пример Ли Куан Ю? Там много всего, почему не подходит.

У меня такой вопрос, и он, кстати сказать, очень серьезный для постсоветского пространства. А не считаете ли Вы, что регионализм, система кланово-родовых связей, межэтнических консолидированных сообществ, находящихся в противоречии друг другу, является самой главной проблемой на постсоветском пространстве в сочетании именно трех этих явлений? Речь идет о регионализме, кланово-местнических или

кланово-родовых и этнических сообществ, которые находятся в противоречии между собой.

А.В. Рябов. Что касается противоречий между этническими сообществами, безусловно, да, они препятствуют модернизации. А что касается кланово-родовых связей, то, я думаю, тут не все так однозначно. Насколько я знаю, у Ивана есть другая интерпретация этого вопроса. Я не буду вместо него ее пересказывать. Думаю, он нам расскажет. Я лишь отмечу, что, как показывают и академические исследования, и анализ всевозможных политических практик, традиции могут, как ни странно, стать одной из опор модернизации. А посттрадиционный...

Реплика. Регионализм.

А.В. Рябов. Регионализм – тоже является препятствием к модернизации. Единственное сомнение – это в отношении кланово-родовых связей. То есть я не хочу сказать, не могу утверждать, что кланово-родовые связи – это есть неизменный ресурс развития. Безусловно, это они могут быть и тормозом. Но это зависит от конкретных исторических и политических условий. Я бы так сказал.

А насчет регионализма и межэтнических конфликтов, то это, безусловно, это препятствие на пути модернизации. С этим я согласен.

А.Ю. Скаков. Я немножко в чем-то поспорю с Андреем. Было сказано, что имеет место дефицит развития. Мы с вами понимаем развитие как развитие снизу вверх, то есть вперед. Тогда, конечно, да, есть дефицит развития. Но возможно же развитие не только от обезьяны к человеку, но и от человека к обезьяне, то есть, наоборот, развитие вниз.

Развитие есть. Потому что давайте посмотрим - что нас объединяет? Я не берусь говорить про страны в целом пространства всего бывшего СССР. Но что объединяет все три или шесть стран Южного Кавказа? Это то, что они находятся в состоянии, имеющем переходный характер. В этих странах состояние перехода, они не до конца сформировавшиеся. И что будет дальше во всех этих трех или шести странах, мы не можем себе представить до конца. Возможны разные версии.

Поясню. Конечно, можно подробнее, но я поясню буквально по трем параметрам. По трем критериям: происходит ли смена власти, есть ли нормальная партийная система, как проходят выборы (с сильными фальсификациями или же так, более-менее сносно). Возьмем сначала страны, всеми признанные.

Азербайджан. Смена власти – её передача от отца к сыну. Партийная система. На самом деле ее как бы нет, скорее, можно так сказать. То есть её нет даже в большей

степени, чем ее нет в России, и даже в большей степени, чем ее нет в Белоруссии. Выборы. Я ездил два раза с миссией БДИПЧ ОБСЕ – один раз в Азербайджан, один раз в Армению. Видел, как проходят там выборы. Это не выборы. Возможно, даже у нас они проходят лучше, не знаю. По всем трем критериям нет ничего позитивного.

Армения. Что со сменой власти? Первая смена власти, скорее, была полусиловой, потому что власть заставили уйти. Вторая смена власти – это попытка операции «Преемник», которая провалилась по не зависящим от Роберта Кочаряна причинам. Что будет дальше? Конституционные реформы вызывают большие опасения, так как непонятно, чем это все кончится. Альтернатива в лице сильной оппозиции отсутствует. Выборы. Опять же я был на них, видел, знаю, и не только я, но и все, кто отслеживает последние выборы в Армении, знают, что выборы не очень-то легитимные. Недаром после них люди выходят на улицы.

В Грузии. Что со сменой власти? Первые две смены власти имели, так скажем, силовой характер, то есть сначала свергли Гамсахурдия, потом заставили уйти Шеварднадзе. Потом смена власти была легитимной, нормальной. Дальше произошло изменение системы, то есть вместо президентской формы утвердилась парламентская. Что будет дальше – не очень понятно. Выборы. Они были разные, то есть были и более-менее нормальные. При Саакашвили были явно большие нарушения, что уже признано всеми. Последние выборы – в целом нормальные, хотя по двум округам явно были фальсификации во втором туре, не в первом. Это вытекает из анализа итогов первого и второго туров.

Возьмем страны полупризнанные. Карабах с Арменией более-менее схожи, не буду вдаваться в детали. Южная Осетия сейчас ближе к Азербайджану, попытка смена власти не удалась. Партийной системы сейчас де-факто в Южной Осетии нет, она могла сформироваться, но ее задушили в ситуации формирования. Про честные выборы сейчас говорить тоже немножко странно. Да и выбирать неоткуда.

Абхазия. Ситуация там лучше всего, как ни странно. Смена власти, в целом, происходит не силовым путем. Есть партийная система. И вы видите, проходят съезды партий, существует угроза проведения сходов и т.д. Партийная система есть в состоянии некоего зародыша, но, тем не менее, она присутствует. Выборы. В маленьком обществе сложно их фальсифицировать.

Что дальше будет? Учитывая фактор, который мешает всем трем, по крайней мере, признанным странам дальше развиваться в нормальную сторону, то есть не вниз, а вверх. Это завышенная самооценка, крайне завышенная. То есть это фантом великой

Грузии, великой Армении, ну и Азербайджана с его нефтемывшцами, нефтемускулами и прочим. У нас все есть, у нас все здорово, мы великая страна, и все должны делать то, что мы хотим. Завышенная самооценка. Это очень сильно мешает. То есть эти страны, фигурально выражаясь, не могут сами на себя глянуть со стороны.

Приведу пример. Меня недавно поразило, когда были выборы в США и победил Трамп, известный многим из нас грузинский политолог (в той же Грузии истерия, они боятся, что будет дальше, после победы Трампа) неожиданно выдал фразу, и смысл её был такой, что для США Грузия является частью американской идеологии. Поэтому если американский президент откажется от Грузии, его постигнет судьба Кеннеди. Потрясающе!

Учитывая все это, боюсь, что в Азербайджане в итоге скажется внутренний фактор. Внутренний фактор – это кризис, падение цен на энергоресурсы, обесценивание маната (две девальвации уже были), социально-экономический фактор: упали уровень зарплат, уровень жизни населения. Про события в Нардаране и рост исламизма в стране все знают хорошо. Так что возможно, что стабильность в Азербайджане в какой-то момент рухнет.

Армения. Здесь власть потеряла ощущение реальности и оторвана от того, что происходит в стране. То есть общество отдельно, а власть отдельно. Есть надежда, что власть там сможет мутировать, поняв, что ей надо что-то делать. Но такие надежды не очень подпитываются реальностями.

В Грузии - опять же тема открытая. Сейчас фактически страна вернулась к однопартийной системе. Что будет дальше? В стране сложная экономическая ситуация: падение лари и т.д. Уменьшение внешней финансовой помощи, очень заметное. То есть режим, который сейчас есть, может долго не протянуть просто по объективным причинам. Поэтому что там будет дальше – опять же большой вопрос.

Абхазия. Здесь есть угроза превращения в банановую республику. Это главная угроза для Абхазии. Других угроз я не вижу. Для Южной Осетии главная угроза – это превращение в большую военную базу. И спасения от этой угрозы я пока не вижу.

Поэтому для этих стран просматриваются совершенно разные сценарии развития. И движение по большому счету идет вниз, а не вверх.

О.М. Зравомыслова. Извините, я сейчас, к большому сожалению, должна уйти, потому что у меня есть целый комплекс организационных, административных вопросов, которые нужно решить. Мне очень жаль. Поэтому то, что я сейчас скажу, это нужно было сказать в конце. Но я прерву наше обсуждение. После чего вы его

продолжите. И у нас для этого еще есть время. И Андрей Виленович прекрасно все доведет до конца.

Но я все-таки хочу от имени Горбачев-Фонда всех вас поблагодарить за то, что вы поддержали нашу идею этого обсуждения и пришли, и приняли участие в этом исключительно интересном разговоре. Я могу сразу сказать, что это целиком заслуга Андрея Виленовича – создание самой рамки этого обсуждения, разработки того, что у нас было названо драфт программы.

И получилось действительно так, что это такой развивающийся сюжет. Потому что каждая из трех частей сегодняшнего обсуждения имеет самостоятельную ценность и цепляет одна другую, и задает какой-то вопрос для будущего.

Я хочу сказать, что, конечно, мы все понимаем, что этот Круглый стол связан, отталкивался от даты, которая будет в конце года и о которой уже много говорят, в том числе и в Госдуме, как вы сказали, о 25-летию распада СССР и 25-летию создания СНГ.

В середине октября у нас уже были Горбачевские чтения. С моей точки зрения и не только с моей, но и многих экспертов, кто присутствовал, или, может быть, читал в Интернете, это были очень богатые по содержанию выступления, которые затрагивали различные исторические и политологические аспекты, связанные с распадом СССР. А ближе к дате действительно была прекрасная идея Андрея Виленовича – сделать то, что касается настоящего и будущего – обсудить вопрос об СНГ.

Я хочу сказать, что мы имеем идею – не закончить дискуссию этим «круглым столом», а как раз держать данную тематику постоянно в фокусе внимания и продолжить обсуждение разных аспектов данной темы – СНГ. Поэтому очень рады вас здесь видеть и приветствуем ваше участие.

Я хочу очень коротко отреагировать на последнюю часть – на доклад, как сказал Андрей, - импульсно-провокативный доклад. Действительно у него это получилось, по-моему. И я хочу отреагировать на ту часть, которая как раз мне кажется провокативной. Во всяком случае, я это восприняла ее именно так. Эта идея развести демократию, модернизацию и идею развития.

Мне совершенно понятно и нам всем, думаю, понятно, что первые два слова – демократия и модернизация – имеют такое количество коннотаций, они так обросли разными трактовками и в разных дискурсах употребляются, что хочется как-то перейти к другому языку. Это проблема есть.

Но мне кажется, что есть и другая проблема. Это модернизация. Она состоит в том, что если мы говорим о переходе к современности, то, собственно, модернизация –

это, по сути, и есть переход к современности, вот что она еще означает. Другое дело, что это понятие, которое не может существовать в таком виде, в котором оно существовало когда-то. Когда мы говорим об «азиатских тиграх», это тоже, конечно, модернизация, безусловно, или о Казахстане или других странах. Но я хочу сказать, что в модернизации есть еще и позднейшая культурная составляющая, которая становится все более важной сейчас.

Например, если мы берем Советский Союз, то, безусловно, он модернизировался. Но он не смог демократизироваться. Он не смог перейти к этапу культурной модернизации. И здесь он сломался, наверное. Это, в общем, так. И поэтому имеет ли такой принципиальный смысл заменять это слово идеей развития? Потому что эти верхушечные группы, про которых Андрей говорил, ссылаясь на то, что в 98-м году эти группы получили все преимущества от реформ, и они остановились и решили, что наступил конец истории – и не надо дальше развиваться. Это так, конечно.

Но они остановились как раз перед невозможностью осуществить современную модернизацию и демократизацию. Они побоялись этого по разным причинам. И это то, во что уперлось (если сказать этим словом) постсоветское пространство, которое не может перейти к современному этапу модернизации. И этот интеграционный процесс, который не получается, и он действительно упирается в те проекты, про которые Артем Улунян говорил, которые действительно представляют собой ретроконструкции, исходят из глубокой древности и имеют под собой такую архаическую подоснову. Это сейчас действительно происходит во всем мире.

Но и в этом как раз на данный момент состоит историческая неудача идеи модернизации и демократизации, которая закрепляет ее, и без которой, вероятно, никакая интеграция не состоится. А я думаю, что путь дезинтеграции в перспективе тупиковый. Потому что этот мир - все-таки уже не Средневековье.

И еще несколько слов по ходу обсуждения. Я еще раз хочу поблагодарить и всех участвующих, и тех, кто делал доклады – прекрасные, очень содержательные. Мы все это опубликуем на нашем сайте, потом делаем выпуски Горбачевских чтений, в которых мы обобщаем результаты наших обсуждений.

Спасибо вам. К сожалению, я должна уйти, Андрей продолжит. Приходите еще. Мы будем очень рады вас видеть.

А.В. Рябов. Спасибо, Ольга Михайловна. К сожалению, достаточно трудно в одном лице совмещать две функции – модератора и докладчика. Поэтому я заранее прошу простить, что я что-то как-то не увидел, не отреагировал.

А.Ю. Дубнов. Я вначале сказал, что набросал какие-то критерии. Первый из которых – я назвал ресурсную составляющую.

Эти критерии, по которым можно попытаться объяснить, что происходит или чего не происходит в этих наших бывших республиках Союза за четверть века. Я сделал приблизительно так. Первое – ресурсная составляющая разделения. Просто для примера отвечу. Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, что называется, в плюсе, у них есть ресурсы. Благодаря этому они двигаются. Но мы можем, конечно, Туркменистан обсуждать в этом отношении.

Дальше. Состав населения. Моноэтнический либо полиэтнический. Здесь также очень важная составляющая. Потому что, например, если мы наложим состав населения по этому критерию с ресурсной составляющей, мы обнаружим, что Казахстан, Узбекистан и Туркменистан - в основном здесь совпадает моно-этнической состав и ресурсная составляющая, что, в общем, обеспечивает тот вариант модернизации или развития, который мы наблюдаем с некоторыми...

Немного к этому относящееся – наличие национальных автономий в этих республиках. Можем привести здесь Молдавию, Грузию, отчасти Киргизию, хотя это очень условно. Наверное, Киргизию не совсем правильно

Дальше. Культура. Если мы говорим о Центральной Азии, наличие стран с разными культурами – земледельческими, оседлыми и кочевыми, что предопределяет склонность к определенному стилю внутреннего развития, склонность к авторитарному стилю либо, наоборот, к более исторически свободному.

Конфессиональная составляющая. Наличие доминирующей конфессии – ислам, либо ее нет.

Дальше. Этническое родство с сопредельными государствами. Повторяю, это касается трех республик и, очевидно, тоже определяет многое. Я уже говорил, и Вы, Андрей, напомнили – это Молдова, Азербайджан плюс Таджикистан, про который мы сегодня тоже говорили.

Дальше. Наличие русскоязычного населения – есть оно или нет, что само по себе тоже создает некие дополнительные моменты давления.

Наличие опыта национально-государственного существования исторического. Наличие национально формирующей идеи, ее носителей в элитах. Также мы можем

сразу себе представить, где - есть, где - нет и где до сих пор, что называется, дергаются в попытках выдумать либо восстановить, либо смоделировать что-то в истории, что, в общем, иногда сложно найти.

Наличие конфликта с соседями. И здесь иногда позитивно оно складывается. Чем больше конфликтогенность, тем больше возможности укрепления авторитарного стиля развития.

Фактор личности лидера. Это тот критерий, которым, в частности. Андрею, можно было ответить, но долго рассуждать сейчас нет уже времени.

Относительно киргизского феномена. Не будь Ошских событий, не будь обвального падения авторитета Коммунистической партии там, не будь стремления избавиться от идеологии, то, с чем не могли справиться в 90-м в других республиках, не было бы киргизского феномена... Попытка быстро насадить там какого-то человека, который, казалось бы, будет замещать эту партноменклатуру, и выбор Акаева с помощью Айтматова и т.д. привели к тому, что в Киргизии начала формироваться совершенно неожиданная в условиях советской Центральной Азии элита. И брожение в этих элитах привело к тому, что до сих пор это брожение мы наблюдаем.

И плюс еще, естественно, двухуровневый состав государства. Юг и Север. Географически разделенное горными массивами, которые определяют два доминирующих клана. Я уж не говорю об этнических узбеках, проживающих в Киргизии.

Шоки внешние. Сейчас говорили о бунтах, но имеет смысл говорить об этом, как об очень специфическом параметре, который, в общем, может объяснять, а может и нет, но не может быть системным, мне кажется.

И довольно интересно, конечно, то, о чем говорил Артем, - о возможности проникновения в ментальность элиты или населения идеи принадлежности к другим географическим, геополитическим моделям развития, которые вытесняют из этой ментальности исторический опыт существования внутри этого большого государства.

Дальше, оперируя здесь этими критериями, в принципе можно было бы, наверное, выстроить какую-то внятную схему, которая, возможно, может, объяснить удачи или неудачи постсоветского государственного строительства.

Это все, что я хотел сказать.

А.В. Рябов. Спасибо. Мне кажется, важное упоминание Ошских событий – это очень похоже на Тбилисские события апреля 89-го года. И результат примерно одинаковый – полная дискредитация местных Компартий вместе с их вождями.

Мужской голос. Так это везде. Желтоксан в Казахстане – то же самое.

Мужской голос. Казахский Желтоксан – это первый. Мы его немножко забыли в силу определенных причин.

И.А. Сухов. Я постараюсь, к радости Аркадия, говорить про это не столько, сколько в последний раз в Центре Сахарова, а в двух словах сформулировать то, о чем говорил Андрей Виленович. Я имею в виду, что на постсоветском пространстве, в том числе и внутри Российской Федерации, есть территории, где институты государства, как мы к ним привыкли, фактически не работают. И в этих местах часто именно традиционные архаические структуры, которые люди как-то воспроизводят по памяти, не совсем точно, может быть, так, как они выглядели раньше, существуют.

В общем, люди каким-то образом обращаются к этим структурам для того, чтобы заново организовать какие-то правила жизни на этой территории, вплоть до организации даже той же системы здравоохранения. Иногда возникает ощущение, что, возможно, в этих сегментах, во-первых, может быстрее, чем там, где все еще относительно работает, сформироваться заказ на преодоление дефицита развития. И, соответственно, там же не потребуются, может быть, демонтировать какие-то сложные треки, по которым все это по инерции, может, бежит. Скажем, в Москве и других мегаполисах-миллионниках для того, чтобы интегрировать эту территорию в какую-то глобальную систему.

Такой был тезис. Если кому-то интересно, собственно, решил сделать примечание к тому, о чем упомянул Андрей Виленович.

О.А. Воркунова. У меня одно замечание касается следующего. Собственно, почему не работают те проекты, в том числе и сингапурский проект и т.д.?

Во-первых, на постсоветском пространстве возникает кадровая проблема систем управления. То есть проблема формирования элиты, тех структур, которые, собственно, должны создавать этот заказ на развитие.

Если мы возьмем Казахстан, там сыграла позитивную роль кадровая система управления, сложившаяся еще в Советском Союзе. Это были достаточно квалифицированные кадры именно в системе управления. В других государствах произошла смена поколений или приход представителей среднего звена в систему управления, кадров, недостаточно подготовленных для решения тех задач, тех вызовов, которые встали перед странами постсоветского пространства.

На это, с моей точки зрения, наложились еще два психологических комплекса – комплекс неполноценности, я имею в виду у правящей элиты, и комплекс бедности у

основной массы населения. Поэтому произошла деформация, сращивания власти и собственности, активное использование статусной ренты как способ личного обогащения, и превалирование личных интересов над общегосударственными.

Откуда может возникнуть запрос на модернизацию? Был небольшой период, сопровождавшийся желанием правящей элиты, прежде всего, России встроиться в западные бюрократические системы, в том числе и европейские. Эта радужная мечта стала полностью неосуществима уже после известных событий на Украине.

Получается, что изначально это доминирование, или, вернее, упор на статусную ренту и на консервацию сложившейся системы управления работает, наоборот, на сохранение устойчивости системы и стабильности как основной ценности. Иными словами, доминирует страх перед переменами, перед скоростью изменений. И фактически складывается опасение современной модернизации как таковой.

Таким образом, для большинства стран постсоветского пространства характерны все двадцать признаков деразвития, которые называл Йохан Галтунг. Все двадцать признаков деразвития присутствуют в странах постсоветского пространства, к сожалению, которые, к сожалению, становятся тормозом на пути к современной модернизации и демократизации.

Д.Э. Летняков. У меня короткий комментарий по поводу доклада Андрея Виленовича. Хотел бы солидаризироваться с основными идеями, которые прозвучали в нем. Но при этом мне кажется, что Ваш тезис о том, что основная проблема постсоветских государств – это дефицит развития, можно радикализовать и сказать, что проблема многих постсоветских государств – это не только отсутствие развития, но это архаизация, движение вспять.

Я недавно писал рецензию на один англоязычный сборник, посвященный постсоветской Центральной Азии и Южному Кавказу. Основная идея книги была в том, что для этих регионов постсоветский период стал временем транзита из второго мира в третий. Здесь много вспоминали Сингапур, у Ли Куан Ю, как известно, была книга «Сингапурская история. Из третьего мира – в первый». А на части постсоветского пространства получается обратная траектория –из второго мира в третий.Это проявляется во многих аспектах. Посмотрите, что происходит с человеческим капиталом в Таджикистане или Киргизии – на уровень образования, доступность и качество здравоохранения. Посмотрите на возрождение каких-то архаичных обычаев типа похищения невест, которые, казалось, были забыты в советский период. Не надо думать, что проблема архаизации не касается и России –

здесь она проявляется, например, в сфере экономики. Страна, которая в советское время помимо танков и автоматов Калашникова все-таки делала гражданские самолеты, спутники и много чего еще, сегодня фактически не в состоянии произвести высокотехнологичную продукцию.

То есть проблема постсоветских стран, как мне кажется, это не просто стагнация, «бег на месте», это во многом и провал вниз по сравнению с 1991 годом. Что с этим делать? Вопрос, конечно, очень серьезный.

А.В. Рябов. Я с Вами полностью согласен. Может быть, где-то на постсоветском пространстве, эти процессы выражены более отчетливо. Александр Юрьевич сказал, как это в странах Южного Кавказа, по крайней мере, в отношении их политических систем.

Я бы так сказал: видимо, процесс бурного экономического роста нулевых годов закончился вялотекущим долгим кризисом. И ресурсов на поддержание той относительной стабильности нулевых годов более не хватает, а модернизационных импульсов нет. При такой ситуации система естественным образом начинает двигаться вниз. Наверное, вот такое объяснение.

И.Е. Кочедыков. Когда мы говорим о траекториях развития постсоветских государств и запросе на это развитие, я хотел предложить вам обратиться к наследию Чарльза Тилли (Charles Tilly), который изучил появление европейских государств, различие их траекторий развития.

У нас есть две переменные – капитал и принуждение. Мы берем схему Чарльза Тилли и адаптируем ее к постсоветским странам. Смотрим, какой у них был капитал внутри страны, как принуждение этот капитал отбирал или, наоборот, как капитал приручал себе принуждение. И мы видим траекторию развития этих стран, где и чего было больше.

И тут же мы вписываем эту страну в большой контекст. Мы не разбираем изолированно. Возьмем, к примеру, Сингапур. Если не смотреть на место этого города государства в региональной и мировой экономике, то объяснение его развития будет через хорошее качество госуправления и элиты. Но Сингапур связан с растущей экономикой Китая и своим положением на фондовых рынках. Каков контекст наших постсоветских государств? Нет растущей экономики России – нет растущей экономики Латвии, нет растущей экономики Молдовы.

А что вы хотите получить, если нет больших промышленных заказов, большого рынка для сбыта своей продукции? Например, та же Молдова Промышленность

МССР была завязана на оборонку России. В 90-е годы российская оборонная промышленность временно прекратила своё развитие, умерла и молдавская промышленность вместе с ней. В этих условиях рынок труда, и вместе с ним потенциальные ресурсы для мобилизации и коллективного действия падают. В этих условиях молдаване просто реализуют опцию выхода из страны.

Также опция выхода реализуется и в Грузии, и в Литве, и в Латвии. Может ли этот запрос на развитие возникнуть? Если все обеднеют до одного уровня, пещерного, то да, на уровне пещерного, феодального может возникнуть запрос на развитие. И снова пройти этот круг до формирования национального государства с флагом 300-400 лет. Может быть, меньше.

И по поводу запроса на развитие. Есть такая проблема коллективного действия практически на всех уровнях. В России и на высшем, и на среднем, и на самом нижнем. Люди вполне себе довольны той повседневной жизнью, которой они живут.

Я преподаю в колледже. У меня дети 16-17 лет. У них есть множество возможностей для совместного досуга – и учебного, и спортивного, и даже военно-патриотического в кружках снайперов. Но они предпочитают идти домой и играть в компьютер. Какое-то коллективное действие даже на то, чтобы получить какие-то деньги, какую-то прибыль, их мало интересует. Им гораздо легче пойти, посидеть дома и потупить, как они говорят.

И еще пару слов о внешних факторах - во многом для этих новых государств мировая среда остается нейтральной. Да, какие-то внешние силы готовы вкладывать деньги, что-то требовать. Но эти деньги получили, сделали что-то для вида, что - то внутри страны, и всё на этом закончилось. Возможно, дальнейшие изменения в балансе сила, в мировой экономике и разделении труда что-то изменят, но пока блестящих перспектив для развития постсоветских стран и их интеграции нет.

А.В. Гуцин. Во-первых, я хотел бы прокомментировать. Вы сказали по поводу Молдовы. Что Вы имели в виду, когда говорили: она тогда вышла из пространства? Но Молдова начала выход из советского...

Реплика (не в микрофон, не слышно)... Молдаване начали выходить по одному в сторону России.

А.В. Гуцин. Миграция. По одному. Понятно. Буквально коротко хотел сказать в конце. Я, комментируя Ваш доклад, хотел бы только буквально отметить, что у меня лично достаточно пессимистический взгляд на возможности развития или какую-то динамику роста в целом постсоветского пространства, тем более стран центрально-

азиатского и кавказского регионов. Почему? Мы приводили в пример Казахстан позитивного развития. Но иногда мы говорим: сырьевое развитие. Это позитивно или негативно в современном мире?

Казахстан – позитивно?

Реплика. Негативно.

А.В. Гуцин. Казахстан, когда распадался Советский Союз, имел долю от дохода от сырья и вообще сырьевую зависимость гораздо меньше, чем она имеется сейчас. А Узбекистан, например, имел монокультуру – хлопок, гораздо больше был зависим от хлопка при Рашидове, чем сейчас при Каримове, чем при Мирзиёеве. То есть там структура экономики несколько меняется. Но при этом однозначно сказать - позитивно это или негативно – невозможно. Поэтому значительная часть успеха Казахстана связана с продажей сырья и с внешним фактором, с тем, что Китай принес очень большие инвестиции и большие проекты.

Поэтому я думаю, что если будет: дали миллиард – украли миллиард – это один вариант, как в Молдове. А если внешний фактор будет проявлять себя все-таки с точки зрения инфраструктурных проектов, в том числе транзитных и т.д. – здесь какой-то шанс, какой-то уровень занять определенную нишу есть.

И мне представляется роль этого внешнего фактора ключевой, для большинства государств без внешнего серьезного фактора, который дает импульс динамике, самостоятельное развитие через собственные проекты практически на данный момент невозможно.

И второй вопрос, о котором хотел сказать. На рубеже прошлого и нынешнего года актуализировался новый вызов в виде напряжения в отношениях России и Беларуси. Справедливости ради надо отметить, что это далеко не первое подобное напряжение, но сегодня в условиях общего кризиса отношений между Россией и Западом, в условиях экономического кризиса на всем евразийском пространстве оно привлекает большее внимание. Страна вроде бы не сырьевая, транзитная. Роль транзита для России через Белоруссию сокращается. С одной стороны, зависимость от России очень велика. С другой стороны, удалось не допустить того состояния, в которое впала украинская или молдавская экономика. Тем более сейчас, есть разные попытки мягкой трансформации. Не будем сейчас подробно характеризовать политические последние маневры Лукашенко и т.д.

То есть с точки зрения наших оценок белорусский феномен – как его можно оценить? Как имеющий потенциал, динамику развития или нет, на Ваш взгляд?

А.В. Рябов. Я бы сказал так. Может быть, где-то до 97-го года, до начала посадок директоров (возьмем такой критерий – арест Леонова и других) – безусловно, это был, на мой взгляд, достаточно позитивный опыт в плане смягчения трансформационных издержек переходного периода, нацеленный на минимизацию этих трудностей. Ни в Украине, ни в Молдове, ни где-либо еще так вопросы даже не ставились, их не было на повестке дня.

Но потом произошла стагнация. Потом был упущен, на мой взгляд, момент, когда, обладая таким высоким урбанизированным населением с высоким уровнем образования, белорусские власти отказались от проведения рыночных реформ, они не стояли на повестке дня, откладывались, их не было. И, как мне кажется, сегодняшний нарастающий кризис белорусской экономики в значительной степени связан с тем, что момент для реформ был упущен.

Можно ли как-то потом минимизировать неизбежную следующую стадию трансформационного перехода – она будет, мы не знаем, когда, но она будет, на мой взгляд, это тоже большой и открытый вопрос.

Я просто сошлюсь на мнение страноведов, тех людей, которые занимаются Беларуссией. Многие из них убеждены, что все-таки условия для следующего трансформационного этапа у Беларуссии лучше, чем у других государств по ряду параметров – изначальных, стартовых.

А.В. Девятков. Я очень кратко. Мне кажется, мы опять не должны посыпать голову пеплом и быть в плане будущего очень пессимистичны. В свое время был такой очень хороший британский аналитик и стратег Роберт Купер. Он писал о разделении мира на премодерн, модерн и постмодерн. И он говорил, что вне Европейского Союза во многих регионах эти три мира сочетаются.

В принципе, мне кажется, что после распада СССР, исчезновения Госплана, это пространство очень дифференцировалось. Да, действительно есть пространство архаичности и премодерна во многих зонах постсоветского пространства. Но также есть и городская экономика, в которой концентрируются, скажем так, некие современные вещи. И даже в той же Молдове, где, казалось бы, произошла полная архаизация, возникают и сборочные производства при японских и американских инвестициях, появляются современные агрохолдинги, экспортирующие грецкие орехи по всему миру. Молдавское вино, особенно «Пуркарь», становится постепенно лучше и уже дотягивает до грузинского уровня. И IT-технологии развиваются так или иначе во всех столицах постсоветского пространства.

Мне кажется, что однозначного запроса на изменения мы, конечно, не добьемся. Это пространство слишком разное, чтобы мы нашли одного заказчика развития. То есть где-то это может быть авторитарный лидер, который инициирует изменения и начнет авторитарную модернизацию. Где-то это, например, как в Молдове сейчас, есть большой запрос именно со стороны, скажем так, гражданского общества и некоего праволиберального, проевропейского фланга.

И мне кажется (и я согласен здесь с господином Гуциным), что приоритетен прежде всего внешний контекст, он должен быть благоприятным. Речь идет, например, если мы говорим о странах Восточной Европы, о прекращении геополитического конфликта Европейского Союза и России и переходе к какой-то форме соуправления этим пространством. Эта перспективная идея в свое время обсуждалась. Но вследствие геополитических конфликтов последнего десятилетия эти концепции, собственно, исчезли из экспертного обсуждения.

Поэтому мне кажется, что позитивная экономическая динамика и прекращение геополитических конфликтов между Great Powers – это те условия, которые в тех или иных странах, типа той же Молдовы, Грузии и Армении, могут создать перспективы.

Что касается Белоруссии. Так как она не прошла шоковую терапию, то она ей предстоит. Поэтому мне кажется, что это будет очень проблемная страна, проблемная экономика. Как и Приднестровье, кстати, которое тоже не прошло шоковую терапию и живет сейчас за счет перепродажи российского газа на внутренний рынок. Правда, не столько живет, сколько выживает.

У тех стран типа Грузии и Молдовы, которые уже прошли шоковую терапию, и вообще многие виды трансформации кроме полноценной политической, есть какие-то шансы. И эта городская экономика – постмодернистская, модернистская, с современными секторами – может вытянуть эти страны хоть куда-то вперед.

А.Ю. Скаков. Когда мы говорим про городскую экономику как о двигателе развития, это большой миф, потому что городская экономика разная сейчас. Дело в том, что население городов Кавказа (я про Кавказ говорю в данном случае), в других местах то же самое, очень сильно изменилось за постсоветский период. Село переехало в город, часть города уехало из города. Город на Кавказе сегодня и город на Кавказе вчера – совершенно разные вещи. И город сегодня – это фактор не модернизации. Это, скорее наоборот, больше фактор архаизации.

А.В. Рябов. Помните советский фильм Александра Рехвиашвили «Ступени», вышедший на экраны в преддверии перестройки. Там главный герой, грузинский

интеллигент, бросает столичную жизнь и уезжает в горы, а оттуда спускается в город диковатый человек, который бросает вокруг консервные банки, мусорит.

В.И. Брутер. Есть несколько вопросов, ответы на которые мы знаем. Но, собственно, они нас почему-то все время сдерживают.

Вопрос первый, ответ на который мы знаем. Самое удачное время для Украины – это время Кучмы, причем даже, скорее, первая половина второго срока, чем любое другое время. Это время, собственно, можно охарактеризовать как олигархическую демократию, как конкуренцию олигархических кланов без возможного и вероятного победителя. Это наиболее успешный период. Почему он не был востребован? А не был он востребован прежде всего олигархами, которые считали, что режим конкуренции, режим соревнования их не устраивает. Они хотели чистой победы. Они хотели из олигархической демократии сразу перейти в гетманат или в гетманство, где они являются гетманами.

Это часть нашего коллективного бессознательного... Оно не предполагает демократию или демократическую конкуренцию на любом уровне.

Вопрос второй. Почему Россия не использовала огромные дополнительные поступления от продажи энергоносителей на ускоренную модернизацию? Опять ответ тот же самый. Не было запроса, не было, в том числе, и общественного запроса. Сколько Россия потратила за последние десять лет на здравоохранение? Огромные по меркам каждой страны с таким населением деньги. И что, какой результат? Результат положительный? Возможно. Но КВД очень низкий. Россия вообще страна очень низкого КВД. Если еще в десять раз больше потратить денег? Эффект будет, конечно. Есть эффект, есть модернизация, конечно, есть развитие, если в каждой поликлинике будет томограф. Вопрос в том, что нет результата, а томограф, скорее всего, есть.

В последнее время я столкнулся с самой развитой в мире медициной – израильской вынужденным образом, по семейным обстоятельствам. Я могу сказать, что там хорошо и что там плохо. Притом, что она самая развитая и, наверное, самая хорошая в каком-то смысле. Но в ней есть тоже очень много негативных моментов. В ней есть очень много дыр, которые все видят и которые не уменьшаются. При огромных по меркам такой страны донациях, при огромных инвестициях и при огромных поступлениях денег от платной медицины.

Вопрос в том, что когда мы говорим о модернизации, мы должны понимать, что модернизация – это реакция на определенный запрос. Этот запрос в России не был сформулирован историческими выборами 99-го года. Я думаю, их уже можно назвать

историческими, потому что это некий водораздел между транзитом к демократии и отказом от демократии, если это понимать в широком смысле слова.

И мы можем констатировать, что это не привело к общественному запросу на ускоренную модернизацию. Притом, что модернизация происходит, но общество не формирует такой запрос. То же самое касается и Украины. То же самое касается и Белоруссии. Этого запроса нет. И это приводит к тому, что эффективность государственных структур все время будет оказываться достаточно низкой. Эта элита не может обеспечить ускоренную модернизацию этого общества.

Я думаю, что эта констатация уже достаточно точна. И это касается и Литвы, и Латвии, и Молдовы. Это, скорее всего, в меньшей степени касается Эстонии. Но в Эстонии внешний фактор очень силен. И он был силен и при советской власти, и до советской власти. Он силен всегда. Это общество совершенно не похоже даже на латвийское.

Поэтому пока не будет сформулирован общественный запрос на модернизацию, элита не будет реагировать на эти обстоятельства. Несколько лет назад Андрей Рябов говорил о том, что у России есть выбор – модернизация по китайскому сценарию или модернизация по европейскому сценарию. Я ему тогда сказал, что оба варианта лучше.

На самом деле не происходит ни первый, ни второй. Почему они не происходят? Опять-таки потому, что внутреннее состояние элиты и внутреннее состояние общества этому препятствуют.

Теперь внешний фактор. Сирийская война является очень серьезным внешним фактором, который приведет и уже привел к изменению соотношений сил если не в мире, то по крайней мере в регионе в широком смысле этого слова. Это, безусловно, будет иметь свои последствия. Последствия хотя бы в том, что Россия вынуждена будет встраиваться в новый миропорядок. Она потеряла свое место в старом миропорядке. А вместе с тем, что она потеряла это место, потерялся в значительной степени и сам старый миропорядок.

После начала украинского конфликта стало понятно, что держаться за эти принципы уже более бессмысленно. Ситуация ушла слишком далеко, чтобы можно было вернуться, отыграть что-то назад и сказать: мы с этой контрольной точки начинаем перезагрузку. Этой точки уже нет. Она потерялась.

Ситуация осложнилась или усугубилась наличием серьезных оснований для консервативного переворота или консервативной революции, или элементов консервативных изменений в Западной Европе.

Я об этом писал, предвеля выборы в европарламент, говоря о том, что это относится к наиболее субъектным странам Западной Европы. И именно эти субъектные страны Западной Европы, за исключением, может быть, сейчас Германии, являются основой для новой постановки вопроса. Эта постановка вопроса в отличие от часто встречающегося в России мнения не является для России ни дружественной, ни враждебной. Это просто другая ситуация.

Когда говорят о том, что Трамп или Борис Джонсон – друзья России, это вызывает только улыбку. Вопрос в том, что Россия может этот фактор использовать при правильной политике, а может опять не использовать. И это будет еще хуже, чем сейчас. Это будет то, что сказал Александр Гущин, - продолжающийся элемент архаизации.

Те, кто присутствовал на Слушаниях в Думе, очень точно передали картину продолжающейся архаизации, когда общественный институт самого высокого уровня даже не может поставить вопросы о том, что его интересует. Он находится в настольконеактуальном состоянии, когда выступления Глазьева или Затулина становятся интересными хотя бы потому, что все остальные вообще вызывают скуку. Притом что Глазьев и Затулин, по-моему, уже лет 30 ничего нового не говорят. Они говорят то же самое, только с разных сторон. Я, конечно, извиняюсь, если я чьи-то чувства ущемил.

Вопрос в том, что за эти 30 лет мир очень сильно уже поменялся. Он даже за последний год сильно поменялся. А Дума продолжает говорить о том, что было 25 лет назад, хотя это уже никого не интересует. Это не интересует ни Россию, не интересует ни постсоветское пространство в любом его прочтении и даже не интересует Европу.

В этой ситуации у России есть много разных шансов. Но есть очень серьезное понимание, что использовать эти шансы ей будет трудно, хотя бы по причине неподготовленности. И по причине того, что для этого не сформирован общественный запрос. А власть делает все возможное, чтобы этот запрос не был сформирован. Потому что ей так в каком-то смысле комфортней.

А.В. Рябов. Спасибо. В завершении сделаю очень короткое заключение. Обратите внимание, пожалуйста, на итоги этой последней сессии. По проблемам демократических и авторитарных режимов никакой дискуссии вообще не было, что, на мой взгляд, отражает две вещи. Во-первых, она применительно к данному региону по большому счету неинтересна, неактуальна. Во-вторых, она малооперациональна с

точки зрения наращивания какого-то знания по проблемам постсоветского пространства.

А вокруг чего были дискуссии? Запрос на развитие - откуда этот запрос может появиться? Разные оценки, разные взгляды были представлены.

И второй момент – это проблема стабилизации, архаизации постсоветских обществ. Мне кажется, что это не случайно. Это действительно тема, пока еще мало изученная. Здесь сказывается и дефицит методологических подходов, который, кстати, чувствуется и в отношении проблемы развития и модернизации постсоветских государств. Бесконечные же попытки выстроить линейку «авторитаризм/демократия» оказываются бесплодными.

На этом я позволю себе закончить. Огромное спасибо участникам за то, что оставались с нами так долго. Надеюсь, что дискуссия была небезынской. Мы свою работу сделаем. Обязательно дадим знать всем о результатах.

Спасибо большое.